

А Л Е К С А Н Д Р   С К У Р И Д И Н
skuridin888@mail.ru   2014 год

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

трагикомедия в четырех действиях

Действующие лица:

ПЕТР – 35 лет

ХАРИТОН – 30 лет, брат ПЕТРА

МАРИЯ – 34 года, бывшая невеста Петра

МАКАРИХА – 65 лет

ГРИГОРИЙ – 35 лет, участковый, капитан полиции

ИВАН-ДУРАК – неопределенного возраста, юродивый

МАРФА-ДУРОЧКА – неопределенного возраста, юродивая

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЫШ – 16 лет, юродивый

ФИГУРА В БЕЛОМ ОДЕЯНИИ – возраст Иисуса Христа

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Деревня Рассвет. Простая крестьянская изба с русской печью. Посредине комнаты стоит обшарпанный стол, на нем стаканы, тарелки, куски хлеба. Утро. В комнате двое: ХАРИТОН, он спит на печи, и его брат ПЕТР. ПЕТР спит на кровати за занавеской.

ПЕТР (открывает глаза, потягивается). Эй, Харитон, уже утро.

ХАРИТОН (с печи). Ну, и что?

ПЕТР. Как, что? (поет). «Утро начинается с рассвета, здравствуй, необъятная страна...»
(громко смеется).

ХАРИТОН. Че, колешься?

ПЕТР (встает, натягивает брюки). Так, вспомнил, был у меня один бабец: зад, наподобие казенной части знаменитой немецкой пушки Большая Берта.

ХАРИТОН. Ну!..

ПЕТР. Баранки гну!.. Я всегда по утрам, помню, обняв свою Большую Берту в энном месте, пел именно вот такое: «здравствуй необъятная страна...»

ХАРИТОН. Хе!.. Карузо!..

ПЕТР. Ого! Кого ты знаешь! Значит, еще не до конца свои мозги пропил. Слушай, умник, а почему наша деревня так названа?

ХАРИТОН. Как, так?

ПЕТР. Не придуривайся, брат. Какой осёл назвал это захудалое скопище грязных домишек Рассветом?

ХАРИТОН. Так то, когда было? Небось, в ТО ВРЕМЯ, действительно, здесь красиво жилось, светло. Слушай, Петр, не чепляйся ко мне, и так тошно.

ПЕТР. Ага. Меньше лакать вчера надо было. Пойду, умоюсь. И тебе советую это сделать.

ПЕТР выходит. ХАРИТОН встает с печи.

ХАРИТОН. Советчик... Репей настоящий (хватается руками за голову). У-у-у... шарабан как болит (натывается на стул, пинает его ногой, наклоняется, хватается за ногу). Черт!..

Появляется МАРИЯ.

МАРИЯ. Что, бухарик, скрючился?

ХАРИТОН (распрямляется). А... Мария... Да, вот, наткнулся на мебель.

МАРИЯ (хихикает). Мебель! Колченогий стул и такие же табуретки!

ХАРИТОН. Что имеем... только не тебе критиковать.

МАРИЯ (поднимает стул, садится на него). Это почему?

ХАРИТОН. Сама тоже не прочь иногда стакашку опрокинуть.

МАРИЯ (со вздохом). Это точно. Меня тоже жизнь заела.

ХАРИТОН подходит к столу, цедит из бутылки капли водки в стакан, выпивает их.

МАРИЯ. А где твой брат? Я слышала, он вернулся в деревню.

Входит ПЕТР. Он в майке, с полотенцем на шее.

ПЕТР. Вот он я, собственной персоной (Харитону, иронично). Кто эта фемина?

МАРИЯ (радостно). Петя!

ПЕТР. Да, я самый. Родной брат этого, пропитанного алкоголем, человеческого существа (Харитону). А может ты – жертва аборта, так сказать, инвалид с самого первого дня своего рождения?

ХАРИТОН (набычившись). На маманю фигню городить никому не позволю!

ПЕТР. Значит не жертва... (Марии). Ты, вижу та самая...

МАРИЯ. Да, та самая, что когда-то любила тебя!

ПЕТР. Любить не вредно. Впрочем, что такое любовь? Наиболее эфемерное из всех чувств (Марии). Постарела, звездочка моя, ненаглядная...

МАРИЯ закрывает лицо ладонями, всхлипывает.

ХАРИТОН. Вот, Петр, ты только появился, а уже Машу обидел.

МАРИЯ (открывает лицо). Помнишь, Петр, ты когда-то меня так называл?

ПЕТР. Как?

МАРИЯ. Звездочка ненаглядная...

ПЕТР. Давно забыл (Харитону). Пойди, брат, умойся (швыряет Харитону полотенце). А потом слетаешь к Макарихе. Деньги в столе.

ХАРИТОН (обрадовано). За пузырем? Я счас! Мигом! Одна нога здесь, другая там!

ХАРИТОН достает деньги из ящика стола и, пританцовывая, уходит.

МАРИЯ. И, вдруг, равнодушно – какая-то фемина...

ПЕТР. Так, на язык навернулось латынь. Все-таки столько лет не виделись, я мог и забыть тебя.

МАРИЯ. Шестнадцать лет, семь месяцев и шесть дней! Такое, что было, не забывается!

ПЕТР. Какое, еще, – такое?

МАРИЯ. Ты знаешь. Спасибо, Петя.

ПЕТР. За что, Мария?

МАРИЯ. За то, что приехал.

ПЕТР. Я домой решил вернуться, в родную избу. Надоело скитаться по свету. Вот, плохо, мать не застал в живых.

МАРИЯ. Тимофеевна осенью умерла.

ПЕТР. Знаю, Харитон доложил. Вчера, первым делом, мы с ним на кладбище ходили.

МАРИЯ. А про меня он ничего не рассказывал?

ПЕТР (отворачивается). Я не спрашивал.

МАРИЯ. Не прикидывайся, Петр, что тебе все равно.

ПЕТР (поворачивается в сторону Марии). О чем ты?

МАРИЯ. Все о том же... помнишь?..

ПЕТР (опять отворачивается). Забыл! И вспоминать не хочу!

МАРИЯ. Ладно, не будем ворошить прошлое. Я не за этим пришла.

ПЕТР. А зачем?

МАРИЯ. Просто увидеть тебя. Мне вчера еще сказала Макариха, мол, Петр приехал.

ПЕТР. Петр, надо понимать, это я.

МАРИЯ. Кто же еще?

ПЕТР. Есть же и другие мужчины в этом, Богом забытом уголке природы.

МАРИЯ. Нет! Наша деревня Рассвет словно вымерла за последнее время: кроме меня с мамой да Макарихи еще осталось одиннадцать семей, в большинстве одни старики. А молодежь, в основном, это любители выпивки.

ПЕТР. А ты почему никуда не уехала? Ага, понятно, жила тут с кем-то, наверно, с приличным, достойным человеком. Впрочем, мне-то какое дело...

МАРИЯ. Во-первых, моя мама и слышать не хотела ни о каком-либо переезде, кстати, она передает тебе привет.

ПЕТР. Спасибо (напоминает). А во-вторых...

МАРИЯ. Да, я жила здесь с одним... Ты же о себе и весточки за все эти годы не подал.

ПЕТР. Кто, он?

МАРИЯ. Григорий. Наш участковый.

ПЕТР. Тот, кто посадил меня в кутузку? Да, как, ты, могла!.. Впрочем, я всегда знал о вашей связи. И из-за этого не спешил возвращаться сюда.

МАРИЯ. Знал!..

ПЕТР. А ты хотела сохранить этот факт в тайне?

МАРИЯ. Нет, я понимала, такое не утаишь. Но есть же для меня оправдание!

ПЕТР. Какое? Ты, Мария, предала меня, продала нашу любовь.

МАРИЯ (закрывает руками лицо). Ты прав, как топор палача. Но если бы знал правду...

ПЕТР (насмешливо). Правду? И в чем же она?

МАРИЯ (открывает лицо). Господи, помоги мне!..

Входит МАКАРИХА.

МАКАРИХА. Кто тут поминает Отца нашего Небесного всеу?.. О, Петр! (поет). С возвращеньцем, с прибытием...

ПЕТР. Здравствуй, Макариха. Садись.

МАКАРИХА садится.

МАКАРИХА. Я вчера слышала: наш орел вернулся!

ПЕТР. Ну и орел... Петух ощипанный.

МАКАРИХА. Не говори! Ты муштина в самом соку, Жаних! Невесту найдем и свадьбу сварганим. Я в любовных делах ушлая!

ПЕТР. А кто же невеста?

МАКАРИХА. Вот она, рядом! Мария, правда, не первой свежести, так, то ничего: ежели приодеть, поднафуфырить, краше городской выглядеть будет! А то, что с участковым путалось, дак, это не от хорошей жизни. К тому же, страдала Мария, я доподлинно это знаю.

МАРИЯ. Баба Макариха!

МАКАРИХА. Чаво?

МАРИЯ. Зачем вы, старый человек, такое говорите?

МАКАРИХА. Што, разве другая невеста есть в нашем Рассвете? Уже и все кобылы передохли...

ПЕТР. Причем здесь кобылы?

МАКАРИХА. Притом! Дак, тоже бабьего роду. А Мария наипервейшая невеста во всей округе, и баста! Уж я то, знаю, сама в любовных делах ушлая была!

ПЕТР (усмехается). Ладно, баба Макариха. Ставлю на голосование: кто за то, чтобы засчитать Марию кандидатом на должность невесты, прошу поднять руки.

ПЕТР и МАКАРИХА поднимают руки.

ПЕТР. Кто, против?

МАРИЯ. Да, пошли вы!.. Комедианты!.. Хорошо еще, что не на должность кобылы назначили.

МАРИЯ встает и выходит.

ПЕТР (вслед, умиленно). Куда ты, невестушка?.. Ушла. А где мой брат?

МАКАРИХА. Счас явится. Суприз готовит.

Появляется ХАРИТОН. Он катит на площадке от детской коляски объемистое корыто, в котором водка и закуска. Через согнутую левую руку у него перекинута полотенце.

ХАРИТОН (кричит). На колесиках доставил, как в лучших домах Лондона и Парижа! Музыканты, туш! (играет на губах туш) Выпить подано!

МАКАРИХА. Ишшо один орел!

ПЕТР. Что, небось, горазд был Харитоша по женской части?

МАКАРИХА. Куды там? Он давно жанат... на бутылке.

ХАРИТОН (вытаскивает водку и закуску из корыта). Чего мелешь, бабка? Ну, запойный алик я, не скрываю. Но разве она мне (держит в руках бутылку) – жена?

МАКАРИХА. Еще дороже, милоч. Ну-ка, жхни белоголовую, да чтоб разбилась!

ХАРИТОН. Н-н-не могу... Ты, что, Макариха, ошалела? Какой дурак будет ЕЕ разбивать (прижимает водку к груди)?

ПЕТР (смеется). А ведь ты права!

МАКАРИХА (гордо). Я завсегда зрю в самый корень. Вот и маманя ваша меня часто приглашала: «Приходи, подруга, поговорим о том, о сем...»

ПЕТР. Давай дальше, Макариха!

МАКАРИХА. Что дальше? А?.. Мы все с Трофимовной о молодежи, о детях толковали. О вас, стало быть.

ХАРИТОН. Ты, Макариха, ври, да не завирайся. За долгами к мамане приходила часто, не скрою.

ПЕТР. За какими еще долгами?

МАКАРИХА (указывает пальцем на Харитона). За евонными. Как пить, так, грит, дай, Макариха. А как расчет, его нету. Больше на пенсию Трофимовны Харитоша располагал.

ПЕТР (хмуро). Понятно.

ХАРИТОН. Меньше слушай ее, брат. Ну, было, не стану отрицать, иногда.

МАКАРИХА. Ага... Через день, а то и каждый.

ПЕТР. Ладно (Макарихе). Он больше не должен?

МАКАРИХА. Пока нет.

ПЕТР (Харитону). Отъезжай со своим кабриолетом, да и начнем.

ХАРИТОН. Это мы мигом!

ХАРИТОН, изображая автомобиль, подъезжает к печи, снимает с площадки корыто, водружает его на печь, саму площадку с колесами вышвыривает из избы.

ПЕТР. А корыто зачем оставил?

ХАРИТОН. Дак... Придут гости, в чем им плавать?

ПЕТР. Гости?.. Плавать?..

МАКАРИХА. Ну, да. Дураки придут, а то – их корабль.

ПЕТР. Не понял.

МАКАРИХА. Да вот, на пасху, Трофимовна всегда энтих... ну, у которых головушка набекрень, собирала.

ХАРИТОН. Иродов.

МАКАРИХА. Во-во!

ПЕТР. Юродивых, что ли?

МАКАРИХА. Их самых. Они, ироды, бывало, соберутся здесь со всей округи, а поутру бредут в Акимовку, в церкву, на праздник.

ПЕТР. Понятно, помню, мама всегда была жалостливой. Садись, брат.

ХАРИТОН проходит к столу, садится.

ХАРИТОН (потирая руки). И закусь знатная: маринованные грибки, огурчики!

МАКАРИХА. Мово приготовления. А ты, Харитоша, что, небось, скоромного хотел бы? Нельзя, нынче – великий пост.

ХАРИТОН. Нет... Мне и этого за глаза хватит. Я харчами не перебираю.

ПЕТР откупоривает бутылку, разливает водку в стаканы.

ПЕТР. Жаль Мария ушла. Возвращение, все-таки, блудного сына не мешает отметить.

МАКАРИХА. Ага, сам сознался!

ПЕТР. В чем?

МАКАРИХА. Блудил!

ПЕТР. Бабка!..

МАКАРИХА. Намек поняла: молчу!

ХАРИТОН. Хочешь, Марию позову?

ПЕТР. Да.

ХАРИТОН (встает, выходит из избы, громко кричит). Ма-ша!

ГОЛОС МАРИИ. Что тебе, Харитон?

ХАРИТОН. Иди сюда, Петр велел позвать.

ГОЛОС МАРИИ. Велел? А если я не хочу, по его велению?

ПЕТР. Скажи, просил.

ХАРИТОН. Он просил.

ГОЛОС МАРИИ. Что, просил?

ПЕТР. (ХАРИТОНУ). Подожди, я сам (встает, подходит к двери, кричит). Прошу, мадам, к нашему столу!

ГОЛОС МАРИИ. Ладно. Сейчас приду.

ХАРИТОН (возвращается к столу). Задержка в таком деле чревата...

МАКАРИХА. Чё, не терпится дерябнуть?

ХАРИТОН. Молчи, бабка, не придирайся к словам!

ПЕТР. Я сейчас. Не ссориться!

ПЕТР проходит в другую комнату.

МАКАРИХА (вкрадчиво). А ты употреби зелье чуток, Харитоша, все легче станет.

ХАРИТОН. Ну да, пока дождешься всех...

ХАРИТОН торопливо выпивает.

ХАРИТОН. У-у-х... Пошла, как по накатанной колее! Макариха, долей в стакан, у меня руки дрожат.

МАКАРИХА доликает водку. Появляются с разных сторон сцены переодетая в новое платье МАРИЯ и ПЕТР в костюме с галстуком. МАРИЯ держит в руках кастрюлю.

ПЕТР. Мария... Ты...

МАРИЯ. Я... Вот, картошку вареную принесла и котлеты, правда, морковные по случаю великого поста.

ПЕТР. Прости меня.

МАРИЯ. За что?

ПЕТР. За все. И за сегодняшний наш разговор. В конечном счете, кто я такой тебя осуждать?

МАРИЯ. А...

ХАРИТОН (его уже разобрало; кричит). Сели, чтобы ноги не висели!

ПЕТР (МАРИИ). Проходи.

МАКАРИХА (тихо). Прямо-таки жаних и невеста...

ПЕТР и МАРИЯ проходят к столу, МАРИЯ ставит на стол кастрюлю, оба садятся. ПЕТР наливает еще в один стакан водку.

ХАРИТОН. Дернем за то, чтоб наши дети не боялись паровозов! (тянется со стаканом к Петру) Братуха вернулся! Петя, дай я тебя расцелую!

ПЕТР (отстраняется). Уже успел выпить.

ХАРИТОН. На радостях, Петр. Не будь камнем. Распахни душу и гуляй! (поет) Гуляй рванина, от рубля и выше!

ПЕТР. Жизнь не гулянка, Харитон.

МАКАРИХА. Во-во... и Трофимовна (крестится), царствие ей небесное, то самое гуторила.

МАРИЯ (поднимает стакан). С возвращеньем, Петя!

Все четверо сдвигают, чокаясь, стаканы, выпивают. МАРИЯ кашляет.

МАКАРИХА (закусывая). Первая рюмка колом, вторая соколом.

ХАРИТОН (возбужденно). Не рюмки, а стаканяры! У нас тут все по-простому, не как в городе, не на блюдечках!

МАКАРИХА. Молчи, Харитоша, Петя осерчать может.

ПЕТР. Сегодня я ему все разрешаю. А вот завтра... посмотрим.

ХАРИТОН. Что, и опохмелиться не позволишь? Немцы в войну и то такой жестокости не позволяли.

ПЕТР. У нас еще будет с тобой особый разговор.

МАРИЯ. Только с ним?

ПЕТР. Харитон мой родной брат.

МАРИЯ. Понятно.

МАКАРИХА. Ты, Мария, не гони лошадей. К мужикам особливый подход нужен. Уж я-то в любовных делах ушлая.

ПЕТР (смеется). Что, и сейчас еще?

МАКАРИХА. Че бы и нет? Я ишшо баба ого-го!.. (Харитону) Сваргань музыку.

ХАРИТОН отбивает ножом ритм на бутылке и стаканах.

МАКАРИХА (поет).

Полюбила Ваньку я,
У Ваньки денег до х...рена!

ХАРИТОН (распаяясь, кричит). Идет репетиция хора! Эта самая, солистка, поет: «Полюбила космонавта, космонавту отдалась». А хор мужиков припев подхватывает: «Ох, ты, ах, ты, все мы космонавты!..»

ХАРИТОН (поет).

Ты прости меня, маманя, это было в первый раз:
юбку новую порвали и подбили левый глаз!

МАКАРИХА. Харитоша, а теперича сыграй мою, любимую!

ХАРИТОН отбивает ритм.

МАКАРИХА поет (с притопом и прихлопом):

Мои сиськи по пуду,
Я работать не буду.
Кто за сиську потрясет,

Тот поллитру принесет!
Мои сиськи по пуду,
Я богатой бабой буду.
Схочет Ванька на диван,
Я ему: «Раскрой карман!»
Шобы каждый понимал:
Мои сиськи – капитал!

ПЕТР. А ну, не балуй! В вашем репертуаре, что, нет более скромных песен?

МАРИЯ. Пусть потешатся, Петр (кладет на ладонь Петра свою ладонь). Здесь деревня, здесь все запросто.

МАКАРИХА. Верно, Мария. Это там, в городе неприкрытый блуд. А у нас, что? Гуляем красиво, под музыку. Изобрази еще чего-либо, Харитонша.

ХАРИТОН (отбивает ножом ритм, радостно поет).

Там, где обезьяны
Хавают бананы,
Там, где в диких джунглях племя Ням живет...

МАРИЯ. Погоди, Харитон (поет задушевно).

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,

Все, кроме Петра, подхватывают.

Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

МАРИЯ. Нет, не ту песню мы запели!

МАКАРИХА. Сама начала жалостливую.

ХАРИТОН. Верно, надо бы что веселенькое. Вот, например...

ПЕТР разливает еще по одной.

ПЕТР (поднимает стакан). Постой, брат. Давайте нашу маму помянем.

МАКАРИХА. Царствие небесное ей, вечный покой.

ПЕТР. Аминь!

Все выпивают, закусывают.

ХАРИТОН. Ждала тебя, Петя, маманя, и не дождалась

МАРИЯ. Да. Погожими вечерами на завалинке сидела, вдаль вглядывалась, авось старший сыночек покажется. Все говорила: «Недаром наша деревня Рассветом названа. Вернется Петенька, и жизнь наладится, все вокруг рассветет».

ПЕТР. Не травите душу!

МАКАРИХА (строго). А ты терпи! (указывает рукой на образа). Бог, терпел, и нам велел.

МАРИЯ (Петру). Не переживай... Главное, – ты здесь, и матушка твоя там, на небесах, радуется этому.

МАКАРИХА. Перебор... Я домой пошкандыбала. У меня живность не кормлена, да и ноги чтой-то ватными стали.

МАРИЯ. Я провожу тебя, бабушка.

ПЕТР (Марии). Возвращайся...

МАКАРИХА и МАРИЯ уходят.

ГОЛОС МАКАРИХИ. Полюбила Ваньку я...

ХАРИТОН. Эх, как Макариха надралась, а мне ни в одном глазу. Я, брат, еще дерябну?

ПЕТР (машет рукой). Пей.

ХАРИТОН наливает себе водку, выпивает, закусывает, затем встает из-за стола и ходит по комнате.

ХАРИТОН. Понимаешь, Петр, ты свалился сюда к нам, как снег на голову. Блукал полтора десятка лет где-то...

ПЕТР (хмуро). Блудил...

ХАРИТОН. Во-во!.. А маманя ждала, надеялась, вот-вот сын вернется.

ПЕТР. Блудный... Виноват я, сколько об этом можно талдычить? Вот ты пьешь по-черному, а я про то пока молчу.

ХАРИТОН. Пока? Значит, ты еще что-то вякать будешь, воспитывать? А мы не хотим няньку иметь!

ПЕТР. Постой, Харитон, не ерпенься. Так, как вы сейчас в Рассвете живете, нельзя жить.

ХАРИТОН садится за стол.

ХАРИТОН. И ты решил научить нас? Нас партия более семидесяти семьдесят лет учила!

ПЕТР. Учила, да не тому. Она учила уважения, точнее подобострастия к самой себе и к ее вождам. Простого же, средне статического человека она ни во что ставила.

ХАРИТОН. А как должно быть?

ПЕТР. Каждый индивидуум может быть значимым, если занят делом, и в нем полноценно проявляет себя. Только дело и самоуважение определяют человека.

ХАРИТОН. Дело? Мы здесь привыкли жить, как в песне поется: «А нам все равно!..»

ПЕТР. И, что в итоге от такого, примитивного нигилизма?

ХАРИТОН. Че? Не понял, о чем ты?

ПЕТР. Вот придет Мария, вместе все и обсудим: как дальше жить.

ХАРИТОН. А пока еще чуток забульбеним?

ПЕТР. Давай!

ПЕТР разливает в стаканы водку. Братья выпивают, закусывают.

ХАРИТОН (удовлетворенно). Идет, как к себе домой! (отбивает по бутылкам и стаканам ритм ножом, поет).

Сидели два медведя

На сломанном суку.

Один читал газету,
Другой месил муку.
И раз ку-ку,
И два ку-ку,
И оба шлепнулись в муку.
И рот в муке,
И нос в муке,
И что-то в кислом молоке!

ПЕТР. И где это Мария запропастилась?

ХАРИТОН (размахивая ножом). Что? Хороша Маша, да не наша?

ПЕТР. Да, именно, не наша. И давно она с ним?..

ХАРИТОН. С Гришкой? Да, с того самого времени, как тебя посадили. Я же тебе еще в тюрягу в письме сообщал.

ПЕТР. Ясненько... только чего это моя фемина мне так обрадовалась? Может быть, Гришка надоел?

ХАРИТОН. Они как кошка с собакой! Машуля то уйдет от него, то вернется. Ну, и лаются постоянно. Цирк! Правда, в последнее время заметно присмирели.

ПЕТР. С чего это?

ХАРИТОН. Гриня вроде, как образумился. Представляешь, у бабки Степаниды каждый день цветы для Маши покупает. Дебил он, что ли, такие деньги в эту фигню вбухивать?

ПЕТР (забирает у Харитона нож, всовывает ему в руку вилку). Понимаешь ты цветах... лучше закусывай.

ХАРИТОН (накалывает вилкой маринованный огурец, поет).

На острове Гаити
жил негр Тити-Мити...

Входит МАРИЯ.

МАРИЯ. За версту слышно, что у вас веселье.

ПЕТР. Да, вот, брат распелся.

ХАРИТОН (Петру). А че, ты сидишь, как засватанный? Гуляй, рванина, от рубля и выше!

ПЕТР (Марии). Он всегда такой?

МАРИЯ. Нет, Харитоша, когда не выпивает, довольно тихий. Несчастный он.

ПЕТР. Ты всех жалеешь?

МАРИЯ. Все – люди...

ПЕТР. И Гришка?

МАРИЯ. И Григорий. И не такой он уже плохой. Вот, недавно из города телескоп привез. Я луну досконально рассмотрела. И кольца Сатурна. Красота!.. Что, все никак о нем забыть не можешь?

ПЕТР. Такое не забывается. Не спи, Харитон.

ХАРИТОН. Я и не сплю...

ПЕТР. Он мне всю жизнь переломал.

ХАРИТОН (пьяно). Бог терпел, и нам велел.

ПЕТР. Вот потерпишь без выпивки!

ХАРИТОН (испуганно). Брат, ты, че? Садюга?..

ПЕТР. Как заговорил? Одно слово – алкаш...

МАРИЯ. А ты не презирай его. Харитон, может быть лучше некоторых.

ХАРИТОН. Это верно!

ПЕТР. Чем же лучше?

МАРИЯ. Он здесь, в вымирающей деревне все эти годы провел. Ты думаешь это легко? У нас все в город рванули, как крысы с тонущего корабля. А брат твой остался.

ПЕТР. Ну и какой толк?

МАРИЯ. Он тебя все это время ждал. Я – тоже. А Гриша... так получилось с ним.

ПЕТР. Поясни.

МАРИЯ. Это трудно сделать. Но я верила, что ты вернешься и...

ПЕТР. Что, «и»?..

ХАРИТОН (пьяно поет).

Все ждала и верила
Сердцу вопреки:
Мы с тобой два берега
У одной реки...

МАРИЯ. Когда тебя милиция увезла, я места себе не находила. Харитон утешал.

ПЕТР. В прямом смысле?

МАРИЯ (встает). Не ожидала услышать такое от тебя! У твоего брата, кстати, своя, собственная боль.

ПЕТР. Сядь, я пошутил.

МАРИЯ (садится). Горько шутишь.

ПЕТР. Как умею.

МАРИЯ. Да, ты вступился тогда за меня, но... обстоятельства оказались сильнее нас.

ПЕТР. И Гришка, будучи участковым, изобразил дело так, что именно я учинил драку.

ХАРИТОН. Ты здорово тогда ему врезал: шарабан до крови пробил!

ПЕТР. За что и получил семь лет! Как же, Гришка был «при исполнении...»

МАРИЯ. К чему ворошить прошлое? А, вообще, вся эта драка была никчемной, никудышной, подрались вы из-за элементарной ревности.

ПЕТР. Действительно, к чему?

ХАРИТОН. Я спать хочу. А про свою боль я давно забыл.

ХАРИТОН встает из-за стола, подходит к кровати, отодвигает занавеску, валится на кровать.

ПЕТР. Хоть бы разделся.

МАРИЯ. Не трожь его... Вот ты и вернулся...

ПЕТР. Вернулся? Мне кажется, какая-то моя часть навсегда осталась там, в дальних странствиях (тихо поет).

Бродяга, судьбу проклиная,
Ташился с сумой на плечах...

ПЕТР. Я вечный странник.

МАРИЯ. Не говори так, все еще наладится, образуется.

ПЕТР. Вряд ли.

ПЕТР подходит к печи, снимает с нее корыто, садится в него, берет приставленные к печи грабли и лопату, делает вид, что гребет.

ПЕТР. Я как тот самый, мифический перевозчик душ – Харон.

ХАРИТОН (бормочет). Я не Харон, а Харитон...

ПЕТР. Где берег Стикса, реки забвения (приставляет ко лбу ладонь)?.. Берега не видно. Мария! Где наш берег?..

ХАРИТОН (бормочет).

Мы с тобой два берега...

У одной реки...

МАРИЯ. Я сейчас заплачу!

ПЕТР. Успокойся, Мария. Все позади. Может быть, действительно, мы сможем наладить жизнь?

ХАРИТОН (бормочет).

Жизнь моя,

Иль ты приснилась мне?..

ПЕТР (кивает в сторону брата). Хорошо ему, блаженному.

МАРИЯ. Вряд ли. От хорошей жизни не пьют так.

ПЕТР. Это точно (поет).

Бродяга к Байкалу подходит,

Рыбацкую лодку берет...

ПЕТР (снова гребет лопатой и вилами, поет).

Унылую песню заводит,

Про Родину что-то поет.

ПЕТР. Исходил я матушку-Русь вдоль и поперек. И на Байкале был, вот где приволье!.. А все из-за того нелепого случая. Отволок, стало быть, семерик от звонка до звонка. Еще бы, суд показательный был, как же, менту голову пробил, выходит, на самую власть покусился. Но разве из Гришки мог выйти путный, правильный представитель власти? Он с детства норовил людям доказать, что умнее всех и сильнее.

МАРИЯ. Я в горячке была, и уже после судебного разбирательства пыталась дать показания. Но их уже и не взяли в расчет.

ПЕТР. Ты тогда уже с Гришкой жила!

МАРИЯ. А что делать было? Тебе и вовсе двенадцать лет корячилось, а он пообещал повлиять на суд, чтобы не портить окончательно твою жизнь.

ПЕТР. Ты себе в первую очередь ее испортила.

МАРИЯ. Да... хотя... не такой уж, Гриша плохой, как вы его здесь выставяете. В то время вы оба были друзья-соперники. И оба старались доказать, кто из вас лучше другого. Оба вы виноваты друг перед другом.

ПЕТР. Ты его защищаешь?

МАРИЯ. Я хочу справедливости.

ПЕТР. Вот, как? Тогда, зачем ты сюда пришла?

МАРИЯ (устало). Действительно, зачем?.. Может быть, я все эти годы сильно ощущала свою вину.

ПЕТР. Какая, Маша, может быть твоя вина? Я всему причина! Я, когда узнал о твоих взаимоотношениях с моим победившим соперником, дал себе зарок: больше никогда не приезжать в родную деревню. Освободился и – гуляй, рванина!..

МАРИЯ. И, все-таки, ты здесь.

ПЕТР. Что-то властно вошло в душу, позвало. Вот только мать, жалею, не успел застать.

МАРИЯ. Но меня ты застал.

ПЕТР. Тебя? Я и не знаю, что у нас осталось общего, разве что воспоминания.

МАРИЯ. Это немало. Любовь никогда не умирает.

ПЕТР. Мне бы забыть ее!.. Эй, Харон!

ХАРИТОН. Я не Харон, я Харитон...

ПЕТР отбрасывает вилы и лопату, вылезает из корыта.

ПЕТР. Надо же, расселся в этом дурацком корыте...

ХАРИТОН (поднимается, бормочет). Это не просто корыто, а корабль.

ПЕТР. Корабль?

ХАРИТОН. Ну, да. Корабль дураков.

ПЕТР. Каких еще дураков? А... этих самых, юродивых. У них, что и капитан имеется?

ХАРИТОН (шатаясь, проходит, садится за стол). Как и положено, есть главарь ватажки. Его Иван-дурак зовут. Да ты их скоро увидишь. Вон, Мария им всегда что-либо поесть приносила.

МАРИЯ. Я хорошо знаю этих несчастных. Вот только плавания не видела.

ХАРИТОН. Увидишь... с ними довольно весело. Ироды – народ интересный, но довольно упрямый, что в башку втемяшится, колом не вышибешь.

ПЕТР (задумчиво). Корабль дураков... Совсем, как у Себастьяна Бранта. Забавно.

Эй, а кто в нем? Мы? А, может вся Россия, в целом, Корабль Дураков? (с запалом) Страна плывет без надежного руля и крепких ветрил, и сама не знает куда.

Все пришло в хаотическое движение: массово появились гастарбайтеры, наркоманы, проститутки, спидоносцы, депутаты, громко вещающие о народном благе, доморощенные бизнесмены, разворовывающие вместе с депутатами и чиновниками это самое благо, вылезли нищие, калеки, которых раньше стыдливо не пускали на улицы городов, весь народ обнищал в целом...

МАРИЯ. Ну, в России в последнее время не все так уж плохо. Кстати, и руль имеется, причем, довольно крепкий. Да и мы же остались людьми: ты, я, твой брат, и миллионы других. А то, что трудности в стране, наш народ хорошо понимает.

ПЕТР (иронично). Бог терпел и нам велел...

МАРИЯ. Народ верит, что есть еще надежда на лучшую жизнь, конечно, если наш корабль пристанет к нужному берегу.

ПЕТР. Да, но туда ли мы плывем? Сомневаюсь...

ХАРИТОН. Однако неплохо бы продолжить...

ПЕТР. Что продолжить? Плавание во мгле?

ХАРИТОН. Как, что? Все, то же самое! Наливай, да пей!

ПЕТР (иронично). Пить или не пить? Вот в чем вопрос!

ХАРИТОН. Для русского человека один из самых наиглавнейших.

МАРИЯ. По-моему, Харитон, ты совсем недавно спал.

ХАРИТОН. А теперь проснулся. Помните, нас в школе учили: посуда не терпит пустоты?

ПЕТР. Это выражение изначально принадлежит Аристотелю, только в нем сказано: «Природа...»

ХАРИТОН. Ага! Ты же у нас отличником был. Но и я не все перезабыл! До сих пор помню, как нас в школе с детства охмуряли, рассказывали байки про будущую красивую жизнь. А где она? Деревня, в которой когда-то кипела жизнь, погибла.

ПЕТР. Насчет прошлой жизни, ты прав. А вот, насчет действительности... Наслаждайся пока текущим моментом, а потом...

ХАРИТОН (потирает ладони). Ну и прекрасно, ну и ладушки! Давай остатки допьем. Как говорится, остатки всегда сладки.

ПЕТР разливает водку. Появляется Григорий. Он участковый, капитан; китель накинута на тельняшку. Григорий без фуражки.

ГРИГОРИЙ (деланно бодро). Ба! Знакомые все лица! Привет всем!

ПЕТР (иронично). Привет!.. «И ты, Брут...»

ГРИГОРИЙ (застегивает китель). Но-но! Я при исполнении! И никакой я тебе не Брут и не брат, ну, скажем, разве, что, в некотором роде (нервно хихикает)... сват, через известную всем особу.

ПЕТР (хмуро) Как же, помню... Меня в кутузку отправил, а известную всем особу – заполучил себе.

ГРИГОРИЙ. Так уж вышло. Судьба!.. (вытаскивает из внутреннего кармана пиджака бутылку, ставит ее на стол). «Президент»! Не чета, тому мухомору, что Макариха продает.

ХАРИТОН (обрадовано). Милости прошу к нашему шалашу! Да не отсохнет рука дающего...

МАРИЯ (хмуро). Зачем, Гришка, ты сюда пришел?

ГРИГОРИЙ. Я – представитель местной власти! И поэтому мне просто необходимо пообщаться с бывшим заключенным, узнать его дальнейшие планы на жизнь.

ПЕТР. Я был им по твоей милости!

МАРИЯ (Григорию). Зря ты сюда явился...

ГРИГОРИЙ. Это, почему же? Он (указывает рукой на Петра) твой бывший хахаль, а я нынешний, так сказать, действующий муж.

МАРИЯ. Мы до сих пор не расписаны!

ГРИГОРИЙ (садится к столу). Распишемся, если я сильно захочу! У меня, Маша, найдутся для тебя соответствующие аргументы.

ПЕТР. Ты все всегда решаешь силой.

ХАРИТОН (подхватывает). Ага! Силой твоей долбанной власти.

ГРИГОРИЙ. Закон, он и в Африке закон! Но я, Петя, однако, живу по древнему принципу: «Кто старое помянет...»

ПЕТР (хмуро). Такое не забывается.

ХАРИТОН (ГРИГОРИЮ). И маманя наша переживала разлуку с Петром, кляня тебя!

МАРИЯ (с вызовом). Ты и мне жизнь покорежил!

ГРИГОРИЙ. Так, уж, ли это? А, может быть, это я тебя сохранил, чтобы ты, Маша, саму себя не потеряла.

ПЕТР. А что, к тому были предпосылки?

ГРИГОРИЙ. Были и, причем, основательные. Ладно! Будет вам, причитать!

ХАРИТОН (потирает руки). Точно! Разопьем мировую! Водка, она и в Африке водка! (потрясает стаканом). Посуда, как и природа, не терпит пустоты!

ГРИГОРИЙ (раскупоривает водку, разливает по стаканам). За мир! Ну, хотя бы, перемирие (Петру). Вот, если ты задумал остаться в Рассвете, то без меня никуда.

Я, Петя, подам лично бумагу (поднимает вверх указательный палец) в верха о твоём поведении, и прочее. Я!

ПЕТР. Ты, Гришка, выходит, здесь царь и бог.

ГРИГОРИЙ (пожимает плечами). Точнее будет, смотрящий за порядком, хотя я своим служебным положением стараюсь не злоупотреблять.

МАРИЯ (толкает плечом Петра). Лучше худой мир, чем большая ссора. Вдруг ты, Петя, останешься...

ПЕТР (берет стакан). Ладно.

Все выпивают, не чокаясь, закусывают.

МАРИЯ. Что ты, Петр, задумал в отношении своего брата?.. Мне больше не наливай.

ПЕТР. Я его на лечение отправлю. Сейчас можно запросто закодироваться на несколько лет.

ХАРИТОН. Меня закодировать? Фашист!..

ГРИГОРИЙ. А ты хочешь через год-два очокуриться? Печень болит?

ХАРИТОН. Ну... Слегка.

ГРИГОРИЙ. Сделаешь ей передышку. Мне врачиха, после твоего прошлогоднего приступа, говорила: «У вашего Харитона не очень радужная перспектива».

ХАРИТОН. Никогда!

МАРИЯ. Это – вариант! Вот бы, и Трофимовна его одобрила.

ХАРИТОН. Предательница!

ПЕТР. Я же помню тебя, брат, совсем иным человеком: радующимся жизни, а не лишнему стакану, как сейчас.

ХАРИТОН. Водка лишней не бывает! Ее, известно, всегда не хватает.

ГРИГОРИЙ. Это для всех вас, алкашей. Брат дело предлагает. Сам потом благодарить станешь. Хоть немного поживешь человеком.

ХАРИТОН. А что же я тогда пить буду? Квас? (поет)

А у вас под юбкой квас,

А у нас в бутылках...

МАРИЯ. Постой, Гриша! Ты сказал: «немного поживешь...»

ГРИГОРИЙ. Ну!.. Для Харитона врачиха поставила не очень-то благоприятный диагноз.

ГОЛОС МАКАРИХИ. Полюбила Ваньку я...

МАРИЯ. Еще одно чудо в перьях (Петру). Небось, тебе надоели наши доморощенные артисты?

ПЕТР. Нет. Я так соскучился за эти долгие годы по деревне.

Входит МАКАРИХА.

МАКАРИХА. Привет всем! О! (глядя на Григория) Кто тут у нас: (уважительно) сам Григорий Иваныч!

ХАРИТОН (машет рукой). Физкультпривет! Ты, Макариха, участкового не бойся: все мы тут издавна одной веревкой повязаны.

МАКАРИХА. Это как понять?

ПЕТР. Очень просто. Вспоминаем события давно минувших дней.

МАКАРИХА (указывает рукой на Григория). Это, когда он, Петя, тебя?..

ПЕТР. Да!

МАКАРИХА. А сам – Марию!..

ГРИГОРИЙ (грозно). Бабка!

МАКАРИХА. Молчу.

ХАРИТОН (пьяно разводит руками). Вот так судьба распорядилась.

ПЕТР (иронично). Судьба-судьбинушка... вот, взять, Гришку и бывшую мою ненаглядную...

МАКАРИХА. И я о том... Они, как сизокрылые голубки...

МАРИЯ. Облезлые!..

ГРИГОРИЙ (недовольно, Марии). Ты что-то все не в тему говоришь. Было же и нас кое-что светлое.

МАРИЯ (Григорию). У меня тема одна и та же, причем уже давно. А свет... это, как при смерти, в конце тоннеля.

ГРИГОРИЙ. Вот она, благодарность! А я-то кое о чем столько лет молчал, был крышей для тебя.

МАРИЯ. Что же, Гриша, выкладывай прямо сейчас, при всех! Я и так все эти годы исстрадалась...

ГРИГОРИЙ. Почему, так, на Руси всегда у всех на уме: милиционер – злодей? А я требую лишь соблюдения законности, прав государства. Хотя... и сам кое в чем виноват. И, может быть, во многом.

ХАРИТОН (бурчит). Да, уж, забота о правах государства... О своих правах печется! Одно слово – мент... по-нынешнему – полицай, как при фашистах.

ПЕТР. Ладно, хватит перепираться (Макарихе). Милости прошу, соседка, к столу.

МАКАРИХА (Харитону). Учись уважительности у своего брата. А я не одна, с младенчиком (отворачивается и достает из-под юбки бутылку)! Бесплатно (обращается к Харитону)! Это я тебе говорю, жмот!

ХАРИТОН (скребет пятерней в затылке). Не... у вас под юбкой не квас! Хорош младенец!..

МАКАРИХА ставит бутылку на стол, присаживается.

МАКАРИХА. Я покемарила маненько, проснулась, дай, думаю, опять схожу к вам. Уж очень у вас задушевная кумпанья получается, а у меня дома всей живности осталось: три кошки, да пяток курей. С ними у меня никакого путного разговора. А у вас тут интерес просматривается.

ХАРИТОН. Зато с перепродажи водяры ты, Макариха, неплохой интерес имеешь.

МАКАРИХА. Позавидовал... А ты проживи на мою пенсию. Нынче без бизнесу невозможно, и ищцо, вдобавок, баррель, будь он неладен, по телеку каждый день в цене скачет. А зелье внук привозит не на себе, а на мотоциклете. Выходиттоже накладно.

ГРИГОРИЙ. Тут и закон молчит. Перепродажа не возбраняется. Вот, когда ты, Макариха, самогон гнала...

МАКАРИХА. Дак... я нынче чиста, как ангел!

МАРИЯ (Макарихе). Бабушка, ты Гришку не бойся, хотя бы сегодня.

МАКАРИХА. Это, почему?

МАРИЯ. Сегодня он без фуражки. Выходит, как змея без ядовитого зуба: вроде при форме и, как бы, не совсем при ней.

ХАРИТОН. Правильно подметила, Мария, насчет яду!

ГРИГОРИЙ (примирительно). Да я специально фуражку не взял, думал, посидим, поговорим по душам, как раньше.

ПЕТР (Григорию, задумчиво). Это верно, мы когда-то друзьями были. Мы оба мечтали в детстве, если вспомнить, непременно стать летчиками.

ХАРИТОН. Летчики, как же! Один – бывший зек, другой – натуральный мент! Да и по-нынешнему и вовсе – полицей!..

ГРИГОРИЙ (вздыхает). А, ведь, мы были, не разлей вода. В футбол гоняли, рыбачили. И куда все это ушло?

ХАРИТОН. В фуражку. Именно с ней ты – власть!

МАРИЯ. В рифму: власть – сласть!

ПЕТР. Недаром говорится: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

ГРИГОРИЙ. Эх, куда хватили! У меня власть не такая уж большая. Я участковый на несколько деревень, у меня, вот, работы, действительно, невпроворот. Причем, приходится возиться с не совсем хорошим людским материалом. Сам после всего этого себя полнокровным человеком не ощущаю.

МАРИЯ. Зато власть – абсолютная. Тебя во всех этих деревнях боятся (закрывает лицо руками). Да и надо мной ты все эти годы изгалялся.

ГРИГОРИЙ. Изгалялся? Я покрывал тебя!

ХАРИТОН. Это, в каком смысле? Как бык корову?

ГРИГОРИЙ. Нет, Харитон, чисто в человеческом, а не в скотском, как ты думаешь! Я Марии не давал возможности сойти с ума. Так, Маша?

МАРИЯ. Ну... в некотором образе, разве что...

ПЕТР (Марии). Успокойся. Без тебя, Маша, я даже и не представлял себе нашу деревню. А Гришка, по-моему, всегда был мелким пакостником, хотя сейчас и позиционирует себя благодетелем. Он и в детстве мне, помню, всегда завидовал.

ГРИГОРИЙ. А чему завидовать было? Главное я у тебя в итоге забрал (кивает в сторону Марии).

ПЕТР (гневно). Ну, ты, чмо в форме!..

ГРИГОРИЙ (застегивает китель). Но-но! Не забывайся... Да, ты был заводилой в детстве, и я всегда был у тебя на поводку. Но потом наши пути разошлись. Ты пошел учиться в техникум на механизатора, а я в милицейскую школу. Каждому свое. В итоге ты сейчас, Петр, кто? Как говорят в народе – отсидок...

ХАРИТОН. Он – человек! А ты – мусор!

МАКАРИХА. И я, то самое кумекаю.

МАРИЯ. Я тебе, Гришка, нужна была, как трофей после победы над Петей. Ты мне эти годы не любил, а мучил...

ГРИГОРИЙ. И чего вы, все на меня ополчились? И все дикие выражения эти!.. Ну, держу я всех (демонстрирует кулак), вот, тут! А иначе и нельзя, нашему народу только дай слабину...

ПЕТР. Наша деревня – мир в миниатюре. И ей всего лишь нужна внутренняя строгость, стремление обрести былое самоуважение, но не кулак, который ты нам так наглядно демонстрируешь.

ГРИГОРИЙ. Это пустое, слова. Какое может быть у нас, в России, самоуважение, когда весь народ столько лет топтали? Да и сейчас деревня никому не нужна. Она для наших зажавшихся чиновников всего лишь – безликий пункт обитания. А я в нем, как санитар, отскребываю все слишком негодное. Да и кого я зря посадил? Наоборот, я всегда, если возможно, стремлюсь закрывать глаза на все эти мелкие, неприглядные делишки, которые вытворяют наши местные люди. В какой-то степени я понимаю их.

МАКАРИХА. Тут Гриня верно кумекает. Раньше в колхозы силком загоняли, а потом их запросто под нож пустили, как жирного борова. Вот и жисть оттого намного хуже в деревне стала. Да и не зловердный он, я от многих сельчан слышала: «Такого участкового еще надо поискать».

ПЕТР. Ого, Макариха, как ты запела!

МАРИЯ (обрадовано, Петру). Ты сказал: «наша деревня...»

ПЕТР. Да, а что?

МАРИЯ. Ничего, значит... есть надежда.

ХАРИТОН. Надежда, известно, умирает последней. Наш он, мой брательник!

ЗАТЕМНЕНИЕ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер следующего дня. В комнате ПЕТР и ХАРИТОН.

ХАРИТОН (мечтательно). Счас бы пузырек раздавить!..

ПЕТР. Всё! Сухой закон!

ХАРИТОН. Как когда-то в Америке? А помнишь, чем все это закончилось? Да и у нас, тщетно пытались когда-то ввести всякие перегибы.

ПЕТР. Плохо пытались. Нашего, русского человека, надо научить, прежде всего, уважать самого себя, помнишь, я вчера еще, при самодовольном Гришке это утверждал? Если мы научимся этому, нам ничто, и никто не страшен, даже далекая от народа власть.

ХАРИТОН. Удивил! Да я всегда, после пары стопарей сотоварищу говорю: «Я тебя уважаю». Так издавна принято.

ПЕТР. Да. Уважение СОБУТЫЛЬНИКУ!

ХАРИТОН. Как ты, Петр, не любишь пьющих...

ПЕТР. А за что их любить? Россию, такие, почти пропили!

ХАРИТОН. Ты сказал: «почти». Может быть, еще есть надежда? И мы, алкаши, пригодимся для чего-либо, например, когда начнется война. Тут все выступают единым целым!

ПЕТР. Есть, Харитоша, надежда. Мы, русские, – способный, сметливый народ, однако отсутствие элементарного собственного достоинства губит нас. Я за эти долгие годы исколесил Урал, Сибирь и всюду видел умных, способных людей, но абсолютно не имеющих возможности выявить свои способности.

ХАРИТОН. А может быть наши люди свои способности и не хотят выявлять.

ПЕТР. Ты прав, зачастую наш народ именно сам не хочет в своей массе проявлять предприимчивость. Нашим индивидуумам легче быть в роли созерцателей. Вот, взять тебя...

ХАРИТОН. А на кой... ляд нужна она, вся эта суетливость? Я – предприниматель! Чуть собачья!

ПЕТР. В Рассвете практически отсутствует какая-либо работа. Чем живете вы?

ХАРИТОН. Макариха бухлом торгует! Старики Лыковы, что на соседней улице, на свои пенсии тянут. При этом умудряются помогать замужней дочке в городе. Сосед через дом из глины свистки для детей лепит, Федька Косой лапти плетет, в городе по дешевке, как сувениры сбывает. Мария продавщицей работала в сельмаге. Его месяц назад прикрыли.

ПЕТР. А ты?

ХАРИТОН. Что я? Кручусь, как вошь на гребешке: картошку засаживаю на своем участке, а потом, когда она, ранняя, в особенной цене, везу в город.

ПЕТР. Где отдаешь ее за полцены, потому что не терпится срочно «принять на грудь».

ХАРИТОН. Откуда ты знаешь?

ПЕТР. Мне хорошо известны чувства подобного рода людей.

ХАРИТОН (иронично). Ты, конечно же, самого себя считаешь намного выше.

ПЕТР. Беда в том, что вы даже собственную жизнь ни во что не ставите. Даже себя, страшно сказать, не уважаете! А от водки, как ты знаешь, умерло много хороших, но слабовольных людей.

ХАРИТОН. Это верно.

Входит МАРИЯ.

МАРИЯ. Добрый день! Петр, я не опоздала?

ПЕТР. Нет. Макариха подойдет, и начнем.

ХАРИТОН. Сбор нищих и блатных... Только этой жадюги-бабки здесь не хватает!

ПЕТР. Лично я ей запретил продавать тебе спиртное и, конечно же, давать в долг.

ХАРИТОН. Ты?

МАРИЯ. Петр прав. Посмотри в зеркало: нынче там можно увидеть человека.

ХАРИТОН. Тьфу!.. Благодетели!..

ПЕТР. Харитон, у тебя сегодня проглядывается харизма.

ХАРИТОН. Чего? Какая еще харизма? Харя, что ли?

ПЕТР. Шутка. Просто сейчас ты тот самый мой брат, кого я так хорошо знал когда-то, и трезвого уважаю.

Слышен собачий лай.

ГОЛОС МАКАРИХИ. Эй, вы! Два брата-акробата! Один – лом, другой – лопата!.. Ваш пес ко мне привязался!

ХАРИТОН. Пойду, гляну, как бы Серко не подрал бабкин подол. Вдруг под ним опять стеклянный младенчик завелся.

ХАРИТОН выходит.

ГОЛОС ХАРИТОНА. Серко, на место! Отвязался, сучий сын!

МАРИЯ. Спасибо за цветы.

ПЕТР. Я на своем мотоцикле специально за ними в город сгонял.

МАРИЯ. Мог бы и наших, полевых нарвать.

ПЕТР. У меня в городе к тому же еще одно важное дело нашлось. Поэтому я и соединил с делом покупку цветов.

МАРИЯ. А...

ПЕТР. Ты не думай, что для меня цветы второстепенной важности оказались. Нет, они, я понимаю – самый главный атрибут для невесты!

МАРИЯ. Не шути так... невеста...

ПЕТР. Точно. Я в бюро заодно заглянул...

МАРИЯ. В какое еще бюро?

ПЕТР. В то самое, где браки оформляют.

МАРИЯ. А ты спросил: согласна ли я? Может быть, как невеста, я дам самоотвод. Да и Гриша, что с ним будет?

ПЕТР (подходит к Марии, обнимает ее). Что мне Гриша? Я люблю тебя! А почему, все-таки, он тебя так беспокоит?

МАРИЯ. Я с ним прожила столько лет...

Входит МАКАРИХА. МАРИЯ выскользывает из объятий ПЕТРА.

МАКАРИХА. Жаних!.. (Марии) А, ты, че засмушалась? Любовь – дело тонкое, нужное. Я в ей высший толк понимаю, сызмальства ушлая была по этой части!

МАРИЯ (Макарихе). Напугали вы меня.

МАКАРИХА. Ври... Небось, как этот ведмедь облапил, не испужалась!

Входит ХАРИТОН.

ХАРИТОН. Видишь, брат – наш пес пустую Макариху не стал пускать. Неси, гавкает, младенчика.

МАКАРИХА. Лишеньки мои, да не ты ли меня в момент опростал? Дай, думаю, потешу хороших людей.

ПЕТР. И где же ваш младенчик? Харитон!

ХАРИТОН. Я, брат... выронил с испугу бутылку, ну, и...

ПЕТР. Что? и...

ХАРИТОН. Она... разбилась. Ей-Богу!..

МАКАРИХА. Перекрестись!

ХАРИТОН (повернувшись к образам, изображает, что крестится). Святой... истинный...

МАРИЯ (смеется). Истинный... Ты, Харитон, уже успел, видать, хлебнуть.

МАКАРИХА. Ах, мошенник! Нехристь! Облапошил меня бедную, грит, я потом подам, как сюрприз. Не подал, а поддал! Гони гроши!

ПЕТР. Хватит об этом. Я с бабкой рассчитаюсь, а с тобой, брат, разговор будет особый.

ХАРИТОН (поет). «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»

ПЕТР. Не паясничай. Начинаем собрание.

МАКАРИХА. Дак, колхоза давно нет.

ПЕТР. А мы собственное хозяйство создадим! Прошу не перебивать. Здесь собралось высокосознательная часть трудоспособного населения нашей деревни. Я за неделю, что

нахожусь в Рассвете, успел смотаться в райцентр, побеседовать в исполкоме и кое-что разведал. Правда, это не так просто...

ХАРИТОН. Во, братан у меня!

ПЕТР (машет в ответ рукой). Будем брать в аренду брошенные колхозом земли, соорудим ферму и...

МАРИЯ. Нас три калеки.

МАКАРИХА. Со мною четыре. Но я вообще тут лишняя.

ПЕТР. Лишних людей не бывает. Мы, вот, объединимся с Марией и начнем строить новую семью.

МАКАРИХА. Жаниться надумал!

МАРИЯ. Петя! Я еще согласия не дала.

ПЕТР. А ты давай. При свидетелях спрашиваю: пойдешь за меня замуж?

МАРИЯ (закрывает лицо руками, тихо). Пойду.

МАКАРИХА. Вот так собрание! Сватовство! Я, выходит, проморгала начало еного события, а уж в любовных делах очень даже ушлая.

ХАРИТОН. Не мешало бы и отметить.

ПЕТР. Никаких отметин! Продолжаем собрание. И так (вытаскивает из кармана банковский договор, демонстрирует его). Вот здесь, в банковском договоре отображена довольно приличная сумма, хватит и кое-какой техникой обзавестись. Крестьянин должен быть хозяином на своей земле.

ХАРИТОН (заглядывает в договор). И где ж ты такие бабки раздобыл?

ПЕТР. Заработал. Я в Сибири пристал к одному знаменитому фермеру, Тихоньч, слышали? Ну, неважно, хотя его по телевизору не один раз показывали. Посмотрел я, как этот Тихоньч хозяйствует, и решил, если Мария согласится стать моей женой, то мы здесь такое устроим!..

МАРИЯ. А если бы я отказалась?

ПЕТР. Мы же любим друг друга.

МАКАРИХА. Горько!.. Горько!..

ХАРИТОН. Что кричишь, божий одуванчик? Ничего не едим, не пьем, откуда горькому взяться? Стоп! Счас прикачу! Обмоем это дело.

ХАРИТОН выходит.

МАРИЯ. А почему «горько»? Мы не на свадьбе.

МАКАРИХА. Дак... то ж, как ее... лепети...

ПЕТР. Репетиция.

МАКАРИХА. Ага. Она самая.

МАРИЯ. Хорошо, если репетиция... даже, если всё хорошее рухнет в одночасье, память останется.

ПЕТР. Это, Машенька, почему – рухнет?

МАРИЯ. Да, мало ли. Есть одно препятствие...

ПЕТР. Какое еще? Гришка? Ты же его никогда не любила, любила, ведь, меня, правда?

МАРИЯ. Ну, да... и, все-таки... если честно, то были у нас и хорошие моменты.

ПЕТР. Это, какие?

МАРИЯ. Григорий в душе романтик, хотя и милиционер.

ПЕТР. Это как понять? (иронично) Полицейский с нежной, ранимой душой!

МАРИЯ. Он дельтаплан построил. Своими руками!

ХАРИТОН. Да, Гриня научился даже летать на нем. Сейчас мотор приделывает, соседский пацан рассказывал. Он подсмотрел, чем занимается участковый в своем сарае.

ПЕТР. Летает... выходит, он осуществил, в какой-то степени, нашу детскую мечту...

МАКАРИХА (машет рукой). А! Пустое!.. Выпендривается!.. Какому ослу сейчас летать надобно? Народу-то и без полетов несладко. Ему работу подавай.

МАРИЯ, Не скажи, бабушка. Пускай летает.

ПЕТР. А мы на земле крепко стоять будем! Мы – землепашцы, земледельцы! Не летчики-налетчики: сегодня здесь, а завтра там. Земля нас крепко держит, и мы ее любим.

МАКАРИХА. Ты, Петр, объясни: я среди вас почто путаюсь? С меня какой навар: старая бабка...

МАРИЯ. Самая боевая бабуля во всей округе!

ПЕТР. Если ферма начнет работать, обратно люди начнут возвращаться. Их кому-то надо будет кормить.

ХАРИТОН. И поить...

ПЕТР. Да, соками и квасом. На нашей ферме будут работать одни трезвенники. Добьемся открытия в деревни магазина, как было совсем еще недавно, начнем обеспечивать наших жителей всем необходимым. Тут вам, уважаемая Макариха, и карты в руки.

МАКАРИХА. Завмагазином! На менее я несогласная!

ПЕТР. А менее никто и не предлагает.

МАРИЯ. Где ж в наше время трезвенников взять? Хотя бы просто людей набрать умудриться.

ПЕТР. У меня в райцентре насчет этого уже имелся серьезный разговор кое с кем. Людей найдем, благо брошенных изб в Рассвете хватает.

Появляется ХАРИТОН. Он катит на площадке от детской коляски корыто. Через согнутую левую руку у него перекинута полотенце.

ХАРИТОН. Закуска подана!

ХАРИТОН вытаскивает из корыта тарелки с жареным картофелем и разносолы.

ПЕТР. И это все? А что же к закуске?

ХАРИТОН (вздыхает). Придется и мне разродиться (достаёт из-за брючного ремня из-под рубашки бутылку).

МАКАРИХА (всплескивает руками). Эх, как хватил, варнак! (подает каждому закуску) Жаних и невеста! И тебе, Харитоша (забирает водку у Харитона). Дай сюда, я разолью. Молодые должны прикоснуться ко всему готовому, а у тебя руки ходором ходют.

МАКАРИХА разливает водку в стаканы.

МАКАРИХА. За здоровье молодых! За их сговор! Макариха в ентих делах ушлая...

Все выпивают, закусывают.

МАКАРИХА. Горько!..

МАКАРИХА и ХАРИТОН. Горько!.. Горько!..

ПЕТР (Марии). Они требуют...

МАРИИ. Что ж, надо...

ПЕТР и МАРИЯ целуются.

МАКАРИХА. Любо!.. А почто вы совсем не выпили?

ПЕТР. Нам еще важное дело предстоит...

МАРИЯ. Петр!.. Молчи!..

ХАРИТОН. А... Понял.

МАКАРИХА (Харитону). Просвети, милоч.

ХАРИТОН. А говоришь ушлая (шепчет что-то бабке на ухо).

МАКАРИХА. Дошло! Лепетиция брачной ночи! Дура я, старая дура...

ХАРИТОН. Дошло... Доехало! Получается, им выпить нельзя, а нам с тобой можно. Гуляй, рванина!..

МАКАРИХА (отставляет стакан). Я тоже хочу тово закону.

ХАРИТОН. Какого еще?

МАКАРИХА. Засушливого!

ХАРИТОН. Чего? Чего?

МАКАРИХА. Чтоб никому ее (показывает пальцем на бутылку) не лакать. А в моем магазине, представь, Харитоша, полна чаша всего, как в супермаркете... не чета нашему нынешнему ларьку, где один хлеб, да и тот завсегда позавчерашний.

ХАРИТОН (крутит пальцем у виска). Не лакать... Ты, видать, тоже с приветом. А может, как эти, жениться надумала?

МАКАРИХА. Совсем оборзел, молокосос... Я, что тебе, девка, с кой шутковать можно?

ПЕТР. Вы извините моего брата, он не со зла.

МАРИЯ. А молоко Харитон давно уже не пьет, больше на водку налегает. Это с того случая...

МАКАРИХА. А!.. Помню!.. Тогда тоже свадьба была, точнее, должна быть...

ХАРИТОН (грозно). Бабка!

МАКАРИХА. Молчу.

ПЕТР. Мы прямо сейчас проголосуем за сухой закон. Кто за установление в деревне Рассвет зоны трезвости? Прошу голосовать.

ПЕТР, МАРИЯ и МАКАРИХА поднимают руки.

ПЕТР. Трое... Кто, против?

ХАРИТОН поднимает обе руки.

ПЕТР (берет бутылку). Один. Итак, сход принимает решение на основании подавляющего большинства. Что с ней делать?

МАКАРИХА. Пусть Харитоша хряснет ее своими руками.

ХАРИТОН. Что я, псих?

ПЕТР берет бутылку, подходит к печи, открывает топку и выливает в нее водку. ХАРИТОН обхватывает голову руками.

МАКАРИХА. А с запасами что делать? У меня ищщо десяток штук с энтим зельем найдется.

ПЕТР. Что ж, пригодятся для свадьбы, чтобы не из города везти.

МАКАРИХА. Свадьба, дело хорошее. Особливо медовый месяц, когда у молодки все вроде, как медом намазано.

МАРИЯ. Бабушка!

МАКАРИХА. Хо-хо... Засмушалась. Цени Марию, Петр.

ПЕТР. Я ценю, бабка Макариха.

ХАРИТОН. Да, но зачем надо было ЕЕ выливать?

МАРИЯ. Не переживай, будущий родственник. Потом, когда завяжешь с зельем, всем нам еще спасибо скажешь.

МАКАРИХА (поддевает вилкой кусок огурца, деланно кривится). Горько!..

МАКАРИХА и ХАРИТОН. Горько!.. Горько!..

ПЕТР подходит к МАРИИ. МАРИЯ встает, она и ПЕТР целуются, отходят в сторону, о чем-то шепчутся.

МАКАРИХА. Счас, небось, ужо, сладко!.. (Харитону) Мне, Харитоша, дверь в чулан надобно подремонтировать. Сделаешь?

ХАРИТОН. Расчет, как обычно?

МАКАРИХА. Налью... Куда от тебя, настырного, денешься? Пойдем, не будем им мешать.

ХАРИТОН и МАКАРИХА уходят.

ГОЛОС МАКАРИХИ. Макариха в любовных делах ушлая... Поллюбила Ваньку я...

ПЕТР. Догадались уйти. Но если Харитоша надерется...

МАРИЯ. Простишь его. Брат твой довольно неплохой человек.

ПЕТР. Он и не знает, что уже на следующей неделе я его на мотоцикле отвезу на лечение. Всего три сеанса. И его целых пять лет в рюмку заглядывать, не потянет. Было бы только желание Харитона.

МАРИЯ. Он согласен. Вчера мы с ним очень даже задушевно побеседовали.

ПЕТР. Что ж, я рад, жаль только мама наша не дожила до такого светлого дня. Получилось: один – блудный сын, стал бродягой, второй – натуральный алкаш.

МАРИЯ. Не блудный, ты письма писал, мне Трофимовна их показывала.

ПЕТР. Сейчас сожалею, что не часто посылал их.

МАРИЯ. Ты в Бога веришь?

ПЕТР. Я больше верю в собственные силы человека.

МАРИЯ. Как ты, Петя, жил все эти годы?

ПЕТР (отворачивается). По-разному.

МАРИЯ. А именно? У тебя были женщины? Ну, чтобы любили по-настоящему?

ПЕТР (поворачивается). По-настоящему меня любила только ты. Впрочем, как и я тебя.

МАРИЯ. Спасибо...

ПЕТР. Ну, а если Гришка вернется?.. Что-то все слишком складно сложилось, как в кино: он в райцентр перебрался, повышение по службе вовремя получил. У меня в этом отношении какие-то не совсем хорошие предчувствия.

МАРИЯ. Он меня умолял уехать с ним, угрожал.

ПЕТР. Чем? Вот, гад!

МАРИЯ. Я не все тебе рассказала. У меня от тебя тогда родился ребенок, мальчик.

ПЕТР. Мальчик? И где же он?

МАРИЯ. Умер сразу же, как появился. Он мне часто снится. И все, кажется: случится чудо, и он жив...

ПЕТР. Мне жаль.

МАРИЯ (вытирает ладонью слезы). Давай забудем о прошлом.

ПЕТР. О нем разве можно забыть? Прошлое всегда рядом и постоянно напоминает о себе, как незаживающая рана.

МАРИЯ. Так что же тогда делать?

ПЕТР (подходит к Марии, обнимает ее за плечи). Продолжать жить, наперекор непростой судьбе.

МАРИЯ (поет).

Все ждала и верила
Сердцу вопреки:
Мы с тобой два берега
У одной реки...

МАРИЯ. Почему люди живут так плохо? Почему неприкаянными ходят по белу свету?

ПЕТР. У них нет любви, или она потеряна.

МАРИЯ. Как у твоего брата. Я хорошо помню его историю, еще бы, она тогда прогремела за пределы нашего Рассвета! Невеста сбежала из-под венца с другим!

ПЕТР. Вот, как? Я и не знал, да и Харитон мне об этом ничего не рассказывал. Впрочем, у каждого из нас своя история. Но важно не сломаться под давлением обстоятельств, а оставаться самим собой. И, в конце концов, тогда обязательно придет заслуженное вознаграждение.

МАРИЯ. Ты имеешь в виду нас с тобой?

ПЕТР. Кого же еще?

МАРИЯ. Петя, думаешь, у нас что-либо получится?

ПЕТР (обнимает Марию, кружит ее). Конечно! При всем диком жизненном раскладе мы все-таки остались людьми.

МАРИЯ. И смогли сохранить любовь. Знаешь, мама сегодня у кумы останется ночевать...

ПЕТР. Ты вашего кобеля надежней привяжи, а то, как в прошлый раз: еле от него, варнака, отбился.

МАРИЯ. Я ужин приготовлю особенный.

ПЕТР. Чем намеренна будешь потчевать гостя, Мария?

МАРИЯ. Это секрет. Вечером сам узнаешь.

ПЕТР. Буду ждать с нетерпением. Я так соскучился по домашней пище, тем более, когда готовит такая искусница (хочет обнять Марию).

МАРИЯ (отворачивается). Подожди, прическа растрепалась. Такая называется: я у мамы дурочка (отходит к настенному зеркалу, причесывается).

ПЕТР. Какой я болван! И почему намного раньше не вернулся?

МАРИЯ. Да, почему?

ПЕТР. Таков расклад.

МАРИЯ. А, все-таки?..

ПЕТР. Ну... гордыня, видимо, заела... Да и хотелось с большими деньгами приехать, свое дело тут завести. Причем, с размахом, как у Тихоныча.

ГОЛОС МАКАРИХИ. Петр! А, Петр!

ПЕТР. Макариха? Ты?

Входит МАКАРИХА.

МАКАРИХА. А то кто ж? Твой братуха до этого самого, комфорту довел.

ПЕТР (усмехаясь). Может, до инфаркта?

МАКАРИХА. Ага! Значитца, подбил Харитоша дверь в чулане, чин-чинарем, даже выпить не просит, только думаю, че он так долго возится? Тут ентот плотник вылез, гляжу: свинья свиньей. Ей-ей, вместо человеческого лица рыло хряка в полной натуре.

ПЕТР. Нажрался?

МАКАРИХА. До самого отвалу. Я думала за работу ему налить сто грамм, не более, помятуя о засушливом законе.

ПЕТР. О сухом.

МАКАРИХА. О нем самом. А этот ирод обнаружил в чулане запас, ну и приголубил почти всю бутылку, еле остатки отняла. Охо-хо, за что мне такое наказание? Одни убытки от подобной коммерции.

ПЕТР (вытаскивает из кармана пиджака деньги). Держи. А с Харитоном я еще поговорю.

МАКАРИХА (прячет деньги за пазуху). Не. Сегодня не получится. Он страшно чижольий.

ПЕТР. Хорошо. Брату завтра достанется на орехи.

МАРИЯ. Ты, Петр, не очень-то ругай его.

ПЕТР. Какие вы, женщины, жалостливые. А такие, вот, как мой брат, вам жизнь и отравляют.

ГОЛОС ХАРИТОНА. Серко! Дай лапу на счастье!

МАКАРИХА. Слышь? У псины счастья просит. Лучше бы лобешник лишний раз перекрестил (поворачивается к образам, крестится). Господи, помилуй мя, грешную.

Вваливается ХАРИТОН.

ХАРИТОН. Что, бабка, уже донесла?

МАКАРИХА. Ты про че, милок? Я тута забежала по делам. Мы с Петром Алексеичем о коммерции толковали.

ХАРИТОН. Знаю я тебя. Заложила меня за тридцать сребреников.

МАКАРИХА. Дак, ты же мне убыток нанес.

ПЕТР. Ложись спать, Харитон. Утро вечера мудренее.

ХАРИТОН, покачиваясь, ходит по комнате.

ХАРИТОН. А я спать совсем не хочу. Свалился, понимаешь, как снег на голову, и порядки давай устанавливать, законы разные. У меня один закон: гуляй, пока гуляется. Я здесь хозяин, или недоделок какой-то?

МАРИЯ. Успокойся, Харитон. Хозяин ты, понятно. Вот только судьба изломана, покорежена.

МАКАРИХА. Судьба... А сам он на что? Серко, разве ему счастья подаст.

ХАРИТОН. Правильно, бабка, подметила! Я – никто и ничто, и зовут Никак.

МАКАРИХА. А Бог у тебя где? (бьет себя рукой в грудь) Тута должен быть! Великий пост на дворе, а ентот – натуральный зюзя!

МАРИЯ. Правильно, бабушка (Харитону). Пойдем, я тебя в боковуху отведу.

ПЕТР. Может, я это сделаю, а, Мария?

ХАРИТОН (Петру). Не. С тобой я не пойду.

МАРИЯ, поддерживая ХАРИТОНА, отводит его в соседнюю комнату.

МАКАРИХА. Эх, как зелье-то молодца с ног валит... Ведь был же когда-то путевым. Пойду, стемнеет скоро, а то я глазами маненько слаба стала.

ПЕТР. Доброй ночи, бабушка.

МАКАРИХА. Доброй... Петр.

МАКАРИХА уходит.

ПЕТР (ходит по комнате). И, все-таки, мы увидим в нашем Рассвете новую, прекрасную жизнь! Как сказано в букваре: «Мы – не рабы. Рабы – не мы». Вот, заимеем всеобщее уважение, собственное достоинство. Нас и заграница начнет уважать, не как сейчас, русские, мол, поголовно пьяницы, дебоширы и проститутки...

Входит МАРИЯ.

МАРИЯ. С трудом уложила Харитона. Представляешь, норовил прямо в грязных сапожищах в постель рухнуть.

ПЕТР. Раб... Пока брат мой раб этого проклятого зелья.

МАРИЯ (вздыхает). Вот вылечится, может, найдется какая-нибудь женщина для него.

ПЕТР. Мечтать не вредно.

МАРИЯ. Я же мечтала о тебе? Бог услышал мои молитвы, и...

ПЕТР. Продолжай.

МАРИЯ (прижимается к плечу Петра). Дальнейшее ты сам знаешь.

ПЕТР. Когда-то, давным-давно, мужчина и женщина, прародители людского рода, имели одну, общую душу. Дьявол, искусив их в райском саду, разделил, вынудил скитаться в поисках друг друга.

МАРИЯ. Как ужасно! А, что, если души не соединятся?

ПЕТР. Тогда поиски будут длиться вечно, до самого второго пришествия (декламирует).

И половинки той души,
Терзаясь, мечутся в тиши,
И не находят отраженья солнца
В себе подобных...

МАРИЯ. Чьи это стихи?

ПЕТР. Мои.

МАРИЯ. Ты, Петр, оказывается, еще и поэт!

ПЕТР. Ну, уж, поэт... Иногда, особенно поутру, стихотворные строчки, довольно еще несовершенные, действительно приходят.

МАРИЯ. Наш сыночек обязательно будет поэтом.

ПЕТР. Что?.. Неужели?..

МАРИЯ. Ты же сам сказал: в Рассвете должна появиться новая жизнь.

ПЕТР. Мария! Любимая! О таком моменте я мечтал все эти долгие годы.

ПЕТР обнимает МАРИЮ.

МАРИЯ (тихо). Осторожно, прическу сомнешь...

ЗАТЕМНЕНИЕ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Прошла неделя. Та же самая изба. На окнах занавески, на столе скатерть – чувствуется женская рука. Лопаты и вил на виду больше нет. В комнате ПЕТР, МАРИЯ, ХАРИТОН.

МАРИЯ (гладит утюгом рубаху). Завтра Пасха... Дожили до светлого Христова Воскресения.

ПЕТР. И нам положен заслуженный отдых

ХАРИТОН. А все ты, Петр. Надо же – огород уже весь перекопан!

ПЕТР. Нет. Лишь вместе мы – сила, мощь, перед которой ничто ничего не устоит, даже власть, основное препятствие к свободной жизни человека. А вот еще, как будет прибавление к семейству...

МАРИЯ. Хвастун.

ПЕТР. Еще бы, совсем недавно разве мог бы я даже мечтать о таком?

ХАРИТОН. И я... Пить бросил! Надо же!

МАРИЯ. Ты, Харитон, очень даже помолодел. Вот найдем тебе приличную женщину...

ХАРИТОН (дурашливо). Да я и сам! Я еще мужик хоть куда! Может мне на Макарихе жениться? (грустно) Поздно пришло мое протрезвление.

МАРИЯ. Все еще наладится.

ПЕТР (кладет Харитону ладонь на плечо). Мы с тобой, брат, еще горы свернем.

ХАРИТОН. Хотелось бы верить.

Появляется ГРИГОРИЙ. В этот раз он при полной форме. Китель застегнут наглухо.

ГРИГОРИЙ. А вот, и я!

МАРИЯ (вспыхивает). Мы же договаривались!..

ПЕТР. Опять ты...

ГРИГОРИЙ (садится). Опять!.. Я – власть, а она незыблема! Хотя... не в ней, конечно же, самое главное.

ХАРИТОН. Да пошел ты!..

ГРИГОРИЙ. Куда? Договаривай, но не забывай, я при форме! Ехал по делам мимо, дай, думаю, голубков навещу.

МАРИЯ. Ты всегда был злым, человеконенавистником!

ГРИГОРИЙ (Марии). Что же ты, милая, тогда со мной столько лет прожила, а? Ведь был в этом резон: знает кошка, чье мясо съела!

ПЕТР. Какая Маша, тебе, кошка? Ври, Гришка, да не завирайся!

ГРИГОРИЙ. Есть у нее грешок. Даже на целый грех тянет. А я, признаюсь, его – долговременное прикрытие.

МАРИЯ. Гриша!

ГРИГОРИЙ. Что, милая? Не хочешь, чтобы я при народе его вспомнил?

МАРИЯ. Гриша! Христом Богом молю!..

ПЕТР. Слушай, мент, тебя женщина просит!..

ХАРИТОН. И душевная, кстати.

ГРИГОРИЙ. Ладно, ребята! О женщине пока помолчу. Стоял я тут, неделю назад, под вашим окном, слышал настоящие наполеоновские планы. Так вот, что скажу: не бывать им!

ПЕТР. Это, как понять?

ГРИГОРИЙ. Всё очень просто, как дважды два. Первое, вся земля в округе уже продана богатенькому буратинушке из областного центра. Повторяю: вся!

ПЕТР. Я арендовать ее смогу.

ГРИГОРИЙ. Тебя налогами задавят, да и аренда в копеечку влетит, если она еще и состоится.

ХАРИТОН. Как-нибудь Петя выкрутится.

ГРИГОРИЙ. В бизнесе «как-нибудь» не пройдет.

МАРИЯ. Он прав. А насчет продажи земли я тоже слышала краем уха. Говорят, владелец думает ее выгодно перепродать.

ГРИГОРИЙ. Да, немцу. Закона, правда, о продаже сельхозугодий иностранцам нет, но его всегда можно обойти, оформив участок на подставных лиц. Но и это, не все!

ПЕТР (хмуро). Что, там, у тебя припасено? Выкладывай.

ГРИГОРИЙ (Харитону). Тебе, пропойца, в прошлом году очень неутешительный диагноз поставили. Сам слышал: «цирроз печени в крайней стадии»!

МАРИЯ. Цирроз?

ГРИГОРИЙ. Он самый.

ПЕТР. Мы вылечим его!

ГРИГОРИЙ. Вряд ли. Разве, что донорскую печень пересадить, да у тебя, Петр, и денег на это не хватит.

ХАРИТОН. Да, знаю я, что мне недолго осталось.

ПЕТР. А чего пил, не просыхая?

ХАРИТОН. Да, так, все мне давно опостылело.

МАРИЯ. Любовь у него была. Невеста, Валька Трошина на роспись в сельсовет не явилась, сбежала с залетным в город. Захотела красивой жизни, а в итоге пошла на панель. Недавно она умерла от СПИДа.

ПЕТР (Харитону). Ты, брат, мне об этом не рассказывал.

ХАРИТОН. А че рассказывать? Что было, давно быльем поросло.

МАРИЯ. Рана на сердце осталась, по себе знаю.

ГРИГОРИЙ. Рана! У тебя, милая, еще одна имеется. И уже не на сердце, а на самой душе.

МАРИЯ (кричит). Помолчи, Гриша!

ГРИГОРИЙ. Я-то помолчу, а, вот, как ты сама с этим живешь?

МАРИЯ. Да... ты прав.

ПЕТР. Зачем ты, Гришка, так? Как медведь в посудной лавке: пришел, и всё поломал своими угрозами.

ГРИГОРИЙ. У вас судьба изначально поломана. Нет человека, не имеющего какого-либо жизненного изъяна. А в нашей стране человек и вовсе ничего не стоит, так, биологический мусор...

ХАРИТОН. У тебя, Гришка, все в чем-то повязаны. А сам ты, не без греха?

ГРИГОРИЙ (встает, поправляет фуражку). Вы тут правильно в прошлый раз про фуражку упомянули. Она, родимая, всегда делает человека значимым. И перечеркивает все грехи ее носителя! Имеющим власть дозволено практически все! Хотя и я очень даже виноват перед законом, как говорится, крышуя некоторых...

МАРИЯ. И ты решил свою власть использовать?

ГРИГОРИЙ. Нет, я не такой, ты же, Маша, меня прекрасно знаешь. Но я не позволю тебе, Петр, глумиться надо мной. Ты напрасно думаешь, что окончательно победил меня в любовном споре.

ПЕТР. Что, опять посадишь?

ГРИГОРИЙ. А я тебя и не садил.

ХАРИТОН. Тогда, кто это сделал?

ГРИГОРИЙ. Ты сам у своего брата об этом дознайся. Я не злодей, хотя и ношу эту форму, которую все вы тут ненавидите!

МАРИЯ (как эхо). Да, не злодей...

ГРИГОРИЙ выходит. Оставшийся народ молчит. Слышен собачий лай.

ХАРИТОН. Пойду, гляну, кто там.

ХАРИТОН выходит.

ПЕТР (Марии). Ты, вроде бы, оправдывала Гришку...

МАРИЯ. Я?.. Может, быть. Он, действительно, совсем не такой, каким многим видится... Есть в нем, однако, что-то душевное, есть!.. Кто бы мог это прийти? Может, Макариха?

ПЕТР. Хорошо, если она. Без Макарихи даже как-то скучно. А тут еще твой бывший все испортил...

МАРИЯ. А если он в чем-то прав, ну, например, в отношении меня?..

ПЕТР. О чем ты, Мария.

МАРИЯ. Так... во многом Гриша прав...

ПЕТР (иронично). Ага! Прав тот, у кого больше прав!

ГОЛОС ХАРИТОНА. Петр, Мария, встречайте гостей!

Входит ХАРИТОН, за ним юродивые: МАРФА-ДУРОЧКА, ИВАН-ДУРАК и МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ.

ХАРИТОН. А вот и мы.

Юродивые крестятся на образа, низко кланяются.

ИВАН-ДУРАК. Привет вам всем!

МАРИЯ. И вам, божьи люди. Харитон, принеси табуретки.

ХАРИТОН уходит в свою комнату.

ПЕТР. Издалека идете?

ИВАН-ДУРАК. Я из Акимовки, Марфа и Матвей-найденыш из Ливневки. Ходим, носим Божью Весть от деревни к деревне.

Входит ХАРИТОН с табуретками, расставляет их.

ХАРИТОН. Садитесь, гости дорогие.

Юродивые усаживаются.

МАРИЯ. Сейчас поужинать приготовлю.

МАРИЯ выходит.

ХАРИТОН. Вы Анну Рогову из Акимовки знаете?

ИВАН-ДУРАК. Знаем. Душевная Аннушка, женщина (Харитону). Псалтирку просила тебе передать и поклон (кланяется, достает из холщовой сумки Псалтырь, вручает ее Харитону).

ХАРИТОН. Спасибо. Не забыла Аня... Вы давно ее видели?

МАРФА-ДУРОЧКА. Вчерась. Все о тебе спрашивала.

ИВАН-ДУРАК. А мы что сказать можем? Прошлый год в последний раз с тобой встречались. Говорим: «Харитон – душевный человек, вот только выпивший завсегда». Она тебе спасения желает.

ХАРИТОН. Я завязал, и окончательно, хотя и поздно сделал это.

МАРФА-ДУРОЧКА. Мы рады за тебя. Теперь ты станешь, совсем угоден Богу.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Спасать свою душу никогда не поздно.

ПЕТР. А кто это, Анна Рогова?

ХАРИТОН. Да, так. Лет семь назад наши пути пересеклись. Тетя у нее в нашей деревне жила.

ПЕТР. А потом?

ХАРИТОН (глухо). Разошлись, стало быть, как в море корабли. Она мне в глаза сказала, что я, к ее большому сожалению, натуральный алкоголик (юродивым). И куда это вы, братия, собрались?

ИВАН-ДУРАК. До райцентра. Там церква очень большая. Ее недавно открыли.

МАРФА-ДУРОЧКА. Красивая!

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. И певчие там так сладко поют.

ГОЛОС МАРИИ. Петр! Иди сюда! Помочь надо!

ПЕТР. Иду!

ПЕТР выходит.

ХАРИТОН. Ты, Иван, вроде рядом живешь с Аннушкой?

ИВАН-ДУРАК. Через дом.

ХАРИТОН. Счастливый...

ИВАН-ДУРАК. И ты будешь счастлив.

ХАРИТОН. Откуда ты знаешь?

ИВАН-ДУРАК (указывает рукой на образа). Мне ОН об этом сказал.

ХАРИТОН. Твоими бы устами да мед пить...

МАРФА-ДУРОЧКА. И ты счастье обретишь, но уже не на земле.

ХАРИТОН (хмуро). Понятно...
МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. А этот, ушедший, кто будет?
ХАРИТОН. Мой брат, Петр.
МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. А... серьезный, справедливый мужик.
ИВАН-ДУРАК. Душевный.
МАРФА-ДУРОЧКА. Петр – камень...

Входят ПЕТР и МАРИЯ с кастрюлями и тарелками. Слышен собачий лай.

ГОЛОС МАКАРИХИ. Цыц, Серко! Это же я!..
МАРИЯ. Макариха! Ну, вот теперь все в сборе.

Входит МАКАРИХА.

МАКАРИХА. Я как почувяла, что к вам страннички нагрянули, дай-ка, думаю, приду (крестится на образа). Господи, помилуй мя, грешную.

МАРИЯ. И правильно сделала. В ночь перед Господним Воскресением грех сидеть одной. Вот и мама моя ушла в гости к Ломовым.

ХАРИТОН выходит.

МАКАРИХА. А че не сюда?

МАРИЯ. Говорит, там у вас соберутся одни молодые.

МАКАРИХА. Да, если не считать меня.

ПЕТР. Ты, баба Макариха, у нас еще ого-го!

МАКАРИХА (в тон Петру). Жить будем, не помрем! Я уже знаю про ваш разговор с Гришкой-ментом. Да и ладно, я передумала быть завмагазином (поет). А я несчастная, торговка частная!..

Входит ХАРИТОН с креслом.

ХАРИТОН (Макарихе). Специально для тебя, бабушка, из кладовки вытащил. Пружины, правда, слегка выпирают, но ничего, сидеть можно (ставит кресло). Сели, чтобы ноги не висели (садится на табурет).

МАРИЯ. Я как чувствовала, бабушка Макариха, что ты придешь, и прихватила лишнюю тарелку и ложку.

МАРИЯ накладывает в тарелки пищу. ЮРОДИВЫЕ, а за ними все присутствующие, крестятся. ЮРОДИВЫЕ снимают свои сумы, кладут их в угол, под образа.

ПЕТР. Я и креститься разучился.

ИВАН-ДУРАК. Это ничего. Он простит. Лишь бы душа была чистая, непоруганная,

ПЕТР. Кем, непоруганная, Иван?

ИВАН-ДУРАК. Самим собой. Все мы – враги своей души. И именно мы ее губим своими делами, плохими мыслями.

ХАРИТОН. А может, ее и вовсе нет? Может это выдумки церковников? Что скажешь, Марфа? Ты среди всех присутствующих наиболее сильна в Писании.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Без души, как без солнца, нет жизни.

МАРФА-ДУРОЧКА. И сказано в Евангелии от Марка: «Ибо, какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей навредит?»

ПЕТР. Умна!

МАКАРИХА. А все почему-то Марфой-дурочкой называют. А его (указывает пальцем на ИВАНА-ДУРАКА) Иваном-дураком. Обижают...

МАРФА-ДУРОЧКА. Да простит им Господь. Сказано святым Павлом в Послании к Евреям: «Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам».

МАКАРИХА (обращается к Петру и Марии). А ищщо их иродами кличут. Смотрите: прекрасные люди, хотя, конечно же, немного не в себе.

ИВАН-ДУРАК. Мир дому сему!

МАРФА-ДУРОЧКА. И еще сказано во Втором Послании к Коринфянам: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный».

МАРИЯ. Упаси нас Господь от скорого разрушения дома.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Аминь! Ваш дом будет полной чашей.

ПЕТР. Это, почему?

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Вы в середке стержень имеете. Но изменения будут в Судьбе.

ХАРИТОН. Какой, еще, стержень, Найденьш? Я, например, алкаш со стажем.

ИВАН-ДУРАК (Харитону). Ты – человек!

ХАРИТОН. Ага! И это, как говорил Горький, звучит гордо!

ПЕТР. А я? Не скрою: блудный сын...

МАРФА-ДУРОЧКА. Ты – камень, недаром тебя Петром кличут.

ПЕТР. Да, уж... на таком камне никакой церкви не построить, я пока даже ферму не могу восстановить и землю в аренду взять.

МАКАРИХА. Ты, Петя, уже вижу – опора деревни, ее становой хребет.

ХАРИТОН. Верно, подметила, бабушка. Петя тут, у нас, еще шороху наведет!

МАРИЯ (МАТВЕЮ-НАЙДЕНЬШУ). А вот, ты, Матвей, мне кого-то определенно напоминаешь, хотя и говоришь не по годам мудро.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ (тихо). Я – есмь...

ИВАН-ДУРАК. Все мы люди, все мы человеки, и должны жить по-человечески, как нам Христом заповедано: любить и уважать друг друга. Только тогда мир изменится к лучшему.

ХАРИТОН (скептически). Мне до этого времени не дожить.

МАРИЯ. Ешьте, дорогие гости (Матвею). Но, все-таки, ты мне, определенно, знаком. Почему ты – Найденьш?

МАКАРИХА. Его добрые люди нашли. Мне сватья об этом сказывала.

МАРИЯ. Нашли?

МАРФА-ДУРОЧКА. Да, нашли, для кого-то из вас.

МАРИЯ. Как это понять?

ПЕТР. Это, видимо, иносказание. Приступим к трапезе.

Все присутствующие ужинают.

ХАРИТОН (встает). Пойду, схожу в летней кухне присмотрю, куда странников на ночь разместить. Я завтра хочу вместе с блаженными сходить в Божий храм, сколько лет там не был!

ИВАН-ДУРАК. А наш Ноев ковчег?

ХАРИТОН (хлопает себя ладонью по лбу). Чуть не забыл! Я мигом.

ХАРИТОН уходит.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Душевный человек.

МАКАРИХА. Это, Харитоша-то? Цирк!

ИВАН-ДУРАК. Нет! Он завсегда нас привечал, хотя и выпимши постоянно был. Картохи чугунок наварит и принесет с ломтем хлеба, нет, мол, в доме ничего более. А нам что надо? Мы, как птицы небесные...

МАРФА-ДУРОЧКА. «Старайтесь не о пище телесной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий».

ПЕТР. Это слова из Евангелия от Иоанна.

ИВАН-ДУРАК. Ты знаешь Библию? Совсем, как наша Марфа. И жену свою любишь, да и она тебя. Вы оба спасены будете. Любовь спасет мир! Правда, в вашей семье вскорости будут изменения.

МАРИЯ. Как прекрасно сказано. А изменения... я – беременна...

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Не все так просто, и каждому воздастся по делам. Господь благ, но строг.

МАРИЯ (вздыхает). Это, верно. Да... грехи наши тяжкие...

ПЕТР (тихо; бурчит). Я Евангелие на зоне первый в руки взял, и что-то в нем меня задело...

Входит ХАРИТОН. Он везет корыто, снимает его с коляски, ставит посередине комнаты, вручает МАТВЕЮ-НАЙДЕНЬШУ лопату, а МАРФЕ-ДУРОЧКЕ вилы.

ХАРИТОН. Плавсредство подано!

ЮРОДИВЫЕ выходят из-за стола, МАРФА-ДУРОЧКА и МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ усаживаются в корыто. ИВАН-ДУРАК стоит в нем.

МАКАРИХА (громко шепчет). И што, это ироды задумали? Я такого театру ищщо не видала.

ХАРИТОН. Молчи, бабка! Корабль!.. Ноев ковчег.

ИВАН-ДУРАК. Плыдем, братия! К новой, вечной жизни!

МАТВЕЙ и МАРФА-ДУРОЧКА «гребут».

ИВАН-ДУРАК. Эй, на берегу!

ХАРИТОН. Слышим! Кто, вы?

ИВАН-ДУРАК. Мы – агнцы Божьи.

ХАРИТОН. И куда вы плывете?

ИВАН-ДУРАК. В Царство Божье! Мы души возем к Господу нашему! Души всего мира! Да спасется он вместе с нами!

ЮРОДИВЫЕ (дружно). Аминь!

ХАРИТОН. Всё. Спектакль выдержан до конца (Петру). Пойду, гляну, как бы речка не подмыла наш сарай. Половодье нынче очень стремительно.

ХАРИТОН уходит. ЮРОДИВЫЕ вылезают из корыта, раскланиваются.

МАКАРИХА (встает). И я ухожу. Как говорится, спасибо этому дому, а мы пойдем к другому. Я вам, божьи люди, яиц крашенных к Святой Пасхе приготовила (достаёт из своей кошелки яйца, раздает юродивым). А вот вам деньги на свечи, поставьте их за упокой души родителей моих. Я и бамажку с именами нацарапала (подает ИВАНУ-ДУРАКУ деньги и бумагу).

МАКАРИХА уходит.

ИВАН-ДУРАК. Душевная она!

ПЕТР. У тебя все душевные.

ИВАН-ДУРАК. Плохих людей нет. Есть просто СПЯЩИЕ.

ПЕТР. Спящие? Как это понять?

ИВАН-ДУРАК. Спящие не видят самих себя, свой бессмертный дух.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Или же, они видят все в искаженном виде.

МАРФА-ДУРОЧКА. «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна».

ПЕТР. Евангелие от Марка.

МАРИЯ. Ты, Петр, постоянно удивляешь меня, оказывается, Писание наизусть помнишь.

ПЕТР. Я постараюсь удивлять тебя всегда, всю нашу долгую и счастливую жизнь, несмотря на все пророчества Гришки.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Вы будете счастливы...

ПЕТР. Спасибо, друг... брат.

МАРФА-ДУРОЧКА. Сказано в Евангелии от Матфея: «... все же вы – братья. И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах».

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ (Марии и Петру). Но жить вы будете порознь.

ПЕТР (гневно). Ты, что мелешь, парень!

МАРИЯ (пристально вглядывается в МАТВЕЯ-НАЙДЕНЬША). Господи! Неужели, это он?

ПЕТР. Мария, кто, ОН?

МАРИЯ. Наш сын! Да, вот и родинка на правой щеке! Он, самый! (тянет к Матвею руки) Прости, что я убила тогда тебя!

ПЕТР. Кого ты убила?

МАРИЯ (указывает рукой на Матвея). Его! Нашего сына! Нет мне прощения...

ИВАН-ДУРАК. Мы не кого-то убиваем, а всегда самого себя.

МАРИЯ. Я грешная! Грешная!..

МАРФА-ДУРОЧКА. «... прощаются грехи ее многие, за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит». (Евангелие от Луки – авт.)

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Ты ошибаешься, добрая женщина. Я не твой сын, а Божий.

ПЕТР. Вот, видишь, сам человек тебе об этом говорит!.. А родинка – совпадение, не больше. Это предгрозовая погода на тебя так влияет, и грядущее материнство.

МАРИЯ. Пожалуй, ты, Петр, прав. (МАТВЕЮ-НАЙДЕНЬШУ). А почему, ты, Найденьш?

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Меня Иван и Марфа нашли.

ИВАН-ДУРАК (подхватывает). В лесу, брошенного.

МАРФА-ДУРОЧКА. Ага! Совсем еще младенчика. Его, бедного комары тогда сильно покусали.

МАРИЯ. И давно это было?

ИВАН-ДУРАК. Шестнадцать годков. Участковый, Григорий Иванович, душевный человек, разрешил взять Матюшу одинокой бабе из Ливневки на воспитание, она недавно умерла. А как он паспорт получил, мы и позвали Найденыша в дорогу.

МАРИЯ (глухо). Он... (Петру) Я пойду посуду помою и самовар, заодно, посмотрю, наверно, он уже готов.

ПЕТР. Я помогу тебе. Что-то ты, Маша, сегодня не в себе. Не виновата ты в смерти сына. Выбрось это из головы.

МАРИЯ. Да. Может быть он жив? И если это ОН...

ПЕТР. Кто, ОН?

МАРИЯ. Ничего. Просто, извечные бабьи недоразумения.

МАРИЯ и ПЕТР собирают со стола посуду, уходят. Гремит гром, в комнате гаснет свет.

МАРФА-ДУРОЧКА. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную.

Вновь гремит гром.

ЮРОДИВЫЕ (хором). Господи, помилуй!

Входит МАРИЯ с зажженной свечой, зажигает свечу у образов.

МАРИЯ. Не бойтесь, вам светло будет, божьи люди.

ГОЛОС ПЕТРА. Я предохранители посмотрю. Мария, посвети мне!

МАРИЯ. Иду!

МАРИЯ уходит. Зажигается свет, вновь гремит гром, и свет опять гаснет. Из темноты появляется ФИГУРА В БЕЛОМ ОДЕЯНИИ, берет в руку свечу. ЮРОДИВЫЕ опускаются на колени.

ФИГУРА В БЕЛОМ ОДЕЯНИИ. Вы молились Мне, вы звали Меня, и Я пришел к вам.

ИВАН-ДУРАК. Ты – Спаситель?

ФИГУРА В БЕЛОМ ОДЕЯНИИ. Да.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. А почему Ты так печален?

ФИГУРА В БЕЛОМ ОДЕЯНИИ. Как не быть печальным, видя поругание веры, ее неприятие, всеобщую людскую злобу и ненависть?

ИВАН-ДУРАК. Я люблю Тебя, Господи!

ЮРОДИВЫЕ (все вместе). Мы любим Тебя, Господи!

ФИГУРА В БЕЛОМ ОДЕЯНИИ. Знаю, и поэтому Я здесь.

МАРФА-ДУРОЧКА. Почему Ты заключил наши души в эти оболочки? Мы не такие, как все люди.

ФИГУРА В БЕЛОМ ОДЕЯНИИ. Вы – дети Божьи, Мои дети. Вы пришли в этот мир нести непорочное, младенческое восприятие, иначе он навсегда закоснеет. Вы несете в мир Любовь ваших прекрасных сердец. А оболочка временна... Ты, Матфей, сегодня обретешь настоящую семью.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Как, это, Господи?

ФИГУРА В БЕЛОМ. Ты, скоро о том узнаешь, ведь, ты уже сам догадываешься об этом.

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Да!..

ФИГУРА В БЕЛОМ ставит на место свечу и исчезает. Вспыхивает электрический свет.

Входят МАРИЯ и ПЕТР. Он с самоваром.

ПЕТР (ставит самовар на стол). Наконец-то разобрался с предохранителями.

МАРИЯ. А вы, почему на коленях?

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ. Здесь был ОН!

ПЕТР. Кто, он?

ИВАН-ДУРАК. Сам Спаситель!

Входит ХАРИТОН.

ХАРИТОН. Ну, я, вам, скажу! Тут такое было! Гром, как бабахнет, а над избой свечение. Пригляделся я в него: фигура человека, натуральная!

МАРИЯ. Это – Господь! Он приходил по мою душу...

ПЕТР. О чем ты, Мария, говоришь? Да в сиянии молнии что угодно может померещиться.

МАРИЯ. Нет мне прощенья. Нет!..

Входит Григорий. Он, как и в прошлый раз, при полной форме.

ГРИГОРИЙ. А... все в сборе: даже религиозный народ в наличии, вот, только Макариха отсутствует.

Входит МАКАРИХА.

МАКАРИХА. И я тут. У меня, как Илья-громовик шандарахнул, от страха ноги чуть не отнялись. Дай, думаю, к Пете с Харитошей заскочу. Вместе, вроде, веселей.

ГРИГОРИЙ (удовлетворенно). Вот, теперь полный кворум.

ПЕТР (Григорию). А тебя никто и не звал.

ГРИГОРИЙ (указывает рукой на Марию). Ее совесть позвала, причем, очень нечистая, впрочем, как и моя. Мы оба с ней одной веревкой повязаны.

ПЕТР. О чем, ты?

ХАРИТОН. Вот, привязался на нашу голову.

МАКАРИХА. Ага! Мент, натуральный ирод.

МАРИЯ (решительно). Пускай Гришка все расскажет при божьих людях!

ГРИГОРИЙ. Ладно. Она (кивает в сторону Марии) бросила своего, точнее, вашего сына в лесу. Мария, по сути, убила его! И я все эти годы прикрывал ее. Мы – преступники.

ПЕТР. Ты, Гришка, злой...

ГРИГОРИЙ. Нет! Во мне истинная, выстраданная любовь говорит. А у тебя, Петька, она выверенная, по расчету. Ты, как я узнал, освободился по половинке. И почему же не вернулся сразу же обратно домой?

ПЕТР. По амнистии я вышел, за хорошее поведение.

МАРИЯ. Выходит, после трех с половиной лет отсидки? А я-то думала...

ПЕТР. Это не имеет большого значения.

МАКАРИХА. Имеет, Петруша. И где же ты блукал? Деньгу большую зарабатывал?

ХАРИТОН. А маманя тебя так ждала...

ГРИГОРИЙ. Вы, Макариха и Харитон, правильно ситуацию видите. Таков он, наш правдолюбец. Теперь ты, Петр, можешь запросто сдать нас, с Марией, со всеми потрохами моей любимой ментуре.

ГРИГОРИЙ выходит.

МАРИЯ (закрывает лицо ладонями, всхлипывает). Да. Я, Петя, убила нашего сына. Я – детоубийца, и нет мне прощенья...

МАТВЕЙ-НАЙДЕНЬШ (звонко). Я жив, мама!..

ЗАТЕМНЕНИЕ

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Раннее летнее утро. Та же комната. В ней ПЕТР и МАРИЯ. У нее заметно округлившийся живот.

МАРИЯ. Хорошо!.. И как это я раньше без тебя жила?

ПЕТР. И я, видимо, просто существовал.

МАРИЯ (расчесывает волосы). Скоро наша семья еще увеличится.

ПЕТР. Скорей бы.

МАРИЯ (смеется). Нет, Петя, это дело ускорить нельзя. Всему свой срок. Дождешься... И, все-таки, я рада, что ты услышал зов и вернулся.

ПЕТР. Твой зов, Машенька?

МАРИЯ. Не только мой, но и нашей земли.

ПЕТР. Тут, ты, права. Мы, сельчане, сильны своими истоками, корнями. Мне часто ты снилась, стоим мы на берегу Мальвы, а вокруг разлита красота соснового бора, покой...

МАРИЯ. И я поэтому не смогла уехать из деревни, правда, тут живет моя мама и всегда оставалась надежда, вдруг, ты когда-нибудь вернешься. Петя, а каково было жить там, в большом городе?

ПЕТР. Лично для меня, довольно тоскливо. Я так и не смог стать рабочим.

МАРИЯ. Еще бы, у тебя душа потомственного крестьянина!

ПЕТР. Да. Мне еще в лагере в этом отношении один умный человек глаза раскрыл. Он сказал, что многочисленный рабочий класс, увы, – показатель оскудения общества. В культурном, морально-нравственном аспектах рабочий гораздо ниже человека, связанного множеством глубинных корней с природой, с землей. Рабочий, как придаток машины, ее составная часть, боится остаться наедине с самим собой, боится тишины, космизма. У него отсутствует философское осмысление действительности, интересы зачастую низменны.

МАРИЯ. Но нас, помню, учили: «Его Величество Рабочий Класс!..»

ПЕТР. Так удобно было манипулировать сознанием людей страны Советов, поставив на пьедестал серую, безликую массу.

МАРИЯ. А религия? Нынче в городе многие ходят в храмы.

ПЕТР. Сегодня для них это больше дань некоей моды. И она, религия, исконному пролетарию, в общем-то, не нужна, вызывая лишь насмешку и избыток некоего превосходства над искренне верующим. Над ним Бог – Машина, и высшие жрецы, то бишь, священники – Ученые, перед которыми он испытывает инстинктивное подобие

уважения. Конечно же, из массы рабочих выходили и высокообразованные во многих отношениях люди, но они становились по мере роста духовных и культурных качеств в ряд интеллигенции. А основная масса, так называемых, пролетариев, по сути маргиналов, имеет низменные, примитивные интересы: алкоголь, зрелищные спортивные игры, отсутствие работы мысли. Недаром, еще с Древнего Рима для таких людей присущ лозунг: «Хлеба и зрелищ».

МАРИЯ. Как ты умно говоришь!

ПЕТР. Я, когда у Тихоныча на ферме работал, с отличием закончил заочно сельскохозяйственный институт. Да и в лагере очень много читал и больше общался с политическими, именно они и были основными преподавателями «моих университетов».

МАРИЯ (вздыхает) А я после школы ничему не училась.

ПЕТР (обнимает Марию). Ты, звездочка моя ненаглядная, освоила самую главную науку: человечность.

МАРИЯ. Твоими бы устами да мед пить.

ПЕТР. Я это сделаю с превеликим удовольствием (целует Марию)! Скоро у нас все тут изменится! Хоть Гришка и каркал громко насчет аренды, я все просчитал. Я в райцентре бывшего соседа по деревне отыскал, он автомехаником работает. Так, вот, я у него весь участок уже выкупил, причем, совсем недорого! Мы здесь впоследствии такое разведем!..

МАРИЯ. Какое?

ПЕТР. Овощи для начала выращивать будем, в городе продавать их.

МАРИЯ. Овощи полива требуют.

ПЕТР. Я уже насос заказал и трубы. Послезавтра их сюда привезут. Воду из Мальвы качать будем! Ну, и взамен, неплохие деньги иметь!

МАРИЯ. И, все-таки, вопрос: почему ты сразу же не вернулся домой?

ПЕТР. Так вышло. Макариха в чем-то права: хотел денег накопить, зажить тут, в деревне по-новому, при всем уважении односельчан. Не просто, как говорил Гришка, быть каким-то «отсидком».

МАРИЯ. А, как же, я?

ПЕТР. Ты тогда с моим потенциальным соперником уже сожительствовала. Мне брат обо всем в письме написал. И я все никак не мог собраться, и приехать сюда, в Рассвет.

МАРИЯ. А любовь? У тебя как-то все по расчету, по нисходящей: участок, насос, денежная выгода... А у Григория, наоборот, всегда порыв, непредсказуемость, полеты... Он из-за меня даже своим служебным положением рисковал. А власти так нелегко лишиться!

ПЕТР. Ты... еще любишь его? Что-то мне сердце недоброе подсказывает...

МАРИЯ. Уже и не знаю. Сложно все как-то закрутилось в моей судьбе.

ПЕТР. Это пройдет, в жизни больше всего важна надежность, уверенность в завтрашнем дне.

МАРИЯ. Уверенность? Ну, пожалуй, это для любой женщины неплохо. Но есть и чувства, и я, как бы, раздвоилась...

ПЕТР. Смотри, Мария! Заря поднимается над нашей деревней. Это – обновление!.. Видишь?

МАРИЯ. Ага! Над всей огромной, несчастной страной. Все, без исключения, люди, всегда живут грядущей надеждой на лучшее, не только мы с тобой.

ПЕТР (стучит в дверь). Харитон! Встречай рассвет!

ГОЛОС ХАРИТОНА. Я уже давно проснулся.

МАРИЯ (задумчиво). Где он сейчас, наш первенец? И надо же, наш Матвей – юродивый.

ПЕТР. Он – тоже странник в вечности, как и я. Как и все мы, странники в государстве, где царствует власть, а человек мало что значит. Вот, взять, наша деревня: нет в ней ни работы, ни даже элементарной школы, повсюду запустение. Но я люблю сына таким, каким он есть. «Блаженны кроткие...»

МАРИЯ (вздыхает). И я... Символично, что Матюша обещал вернуться к Петрову дню, в аккурат к твоим именинам. Всего-то ждать осталось два дня. И все-таки, судьба благосклонна к нам. Я, тогда, в умопомрачении от ребеночка избавиться захотела. А добрые люди его нашли и воспитали. Гришка же меня этим держал на негласном поводке. Но... и прикрывал. Огромное спасибо ему.

ПЕТР. Да, Бог с ним! Уехал Гриня из деревни, и то хорошо. Хотя, я все эти долгие годы заключения думал: вернусь домой и расквитаюсь, когда-нибудь со своим обидчиком.

МАРИЯ. Это, как понять? Убить, что ли?

ПЕТР. Ну... нет Скорей, морально его унизить.

МАРИЯ, Унизить? Да вы и оба, взаимно унижены всей нынешней, непростой ситуацией.

ПЕТР. Это, так. Мне такое на исповеди один умный священник точно так же сказал. Еще он добавил, что мой обидчик тоже несчастен, только по-своему. Я после этого разговора внимательно Евангелия перечитал. У апостола Матфея прямо сказано: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

МАРИЯ. Ты уже помилован через свои чистые помыслы.

ПЕТР. Не так они уже чистые, должен, однако, сознаться...

Входит ХАРИТОН.

ХАРИТОН. Вот, Псалтырь, переданную юродивыми, до полночи читал. Мне, чую, уже недолго коптить небо осталось. Печень сильно болит, но на душе покой.

ПЕТР (декламирует)

В твоей душе я вижу
Отраженье солнца,
И самого себя...

МАРИЯ. А, может, Харитоша, я съезжу к Анне, поговорю...

ХАРИТОН (машет рукой). Какой я теперь мужчина? Испорчен насквозь, зельем... (глядит в окно, ПЕТРУ). Брат, смотри, угол нашего сарая половодье начало подмывать!

ПЕТР (смотрит в окно). Действительно! Пойдем, может, еще успеем отвоевать его у реки.

ХАРИТОН и ПЕТР выходят. Входит ГРИГОРИЙ (он в штатском).

ГРИГОРИЙ (тихо). Маша...

МАРИЯ. Ты!.. Зачем пришел?

ГРИГОРИЙ. Не гони меня.

МАРИЯ. Это, почему же? Мы с Петей муж и жена!

ГРИГОРИЙ. Знаю... но, все равно люблю тебя. Штамп в паспорте не в счет...

МАРИЯ. Не поняла. Я, что, ослышалась?

ГРИГОРИЙ. Да! Да! Люблю!

МАРИЯ. Поздно ты об этом говорить стал, впрочем, я-то тебя, наверное, никогда и не любила.

ГРИГОРИЙ. Любила. Помнишь, Маша, ты говорила как-то: «Мы двое с тобой, двое одиноких сердец...»

МАРИЯ. Я жалела тебя. У тебя тоже жизнь не сложилась.

ГРИГОРИЙ. Жалость, как говорят, и есть одна из форм любви. Ты привечала меня, дарила незабываемые ночи, а потом отталкивала.

МАРИЯ (иронично). И ты уходил в очередной загул! Сколько у тебя любовниц по окрестным деревням было?

ГРИГОРИЙ. Но я только одну тебя все это время любил! Да и гулял от тебя только в ранние годы, причем, со злости, сгоряча. Именно за твою сумбурную холодность.

МАРИЯ (тихо). И Петя то же, слово в слово говорил.

ГРИГОРИЙ. Что же, именно?

МАРИЯ. О том, что все эти годы только одну меня любил. А я... (испуганно). Уходи, мой муж вот-вот придет!

ГРИГОРИЙ. Ты должна выбрать: он или я.

МАРИЯ. Я – его жена! И у нас скоро будет ребенок.

ГРИГОРИЙ. Это не важно! Мне многого не надо, лишь толику любви, ласки (опускается на колени). Умоляю!..

Входит ПЕТР, за ним ХАРИТОН.

ХАРИТОН. У-ф-ф... еле отодвинули сараюшку!

ПЕТР. Постой, брат. У нас тут интересная сцена разыгрывается. Прямо по Шекспиру.

ХАРИТОН (выскакивает из-за спины ПЕТРА, насмешливо). Какие люди, и без формы!

ГРИГОРИЙ встает.

МАРИЯ. Вот... пришел...

ПЕТР. Я вижу. Вопрос – зачем?

МАРИЯ. Не знаю.

ГРИГОРИЙ. Знаешь. Я люблю тебя!

ХАРИТОН. Ни фиги себе, сказал я себе! Любить, однако, не вредно...

ПЕТР (резко). Помолчи! (проходит к стулу, садится). Ну, рассказывайте, что здесь произошло.

МАРИЯ. Ничего не произошло. Приходит этот, и с места в карьер, мол, люблю тебя.

ПЕТР. А, ты?

МАРИЯ. Что, я? Я замужем! Причем, за тобой.

ПЕТР (хмуро). Понятно...

ХАРИТОН (ГРИГОРИЮ). Не хотите ли пройтись, там, где мельница вертиться?

ГРИГОРИЙ (МАРИИ). Что же... ты сделала выбор... (уходит).

ПЕТР (ХАРИТОНУ). Выйди и ты.

ХАРИТОН. Ясненько, у наших летчиков разбор полетов (выходит).

МАРИЯ. Ну, вот, всех разогнал.

ПЕТР. Что, никак его забыть не можешь?

МАРИЯ. Не говори глупости! Я тебя люблю и любила!

ПЕТР. А Гришку?..

МАРИЯ. Нет! И еще раз нет! Ну, сколько можно объясняться по этому поводу!

ПЕТР (подходит к МАРИИ). И, все-таки, правда, ты его?..

МАРИЯ (зажимает ПЕТРУ ладонью рот). Правда. Его – нет, тебя – да!

ПЕТР. А я-то думал... (целует МАРИЮ). Пойду, гляну, где там Харитоша, а то он выскочил на холодный ветер в одной рубашке.

ПЕТР выходит.

МАРИЯ (ходит по комнате). Не стал Петя конфликтовать, ушел... но, как все с головы на ноги обернулось: Гриша-то, каков! Да, есть в нем неподражаемая, искренняя страсть, порыв. Петя, в противовес, спокойнее, рассудительней. Если Гриша дарил мне цветы по велению души, то Петя – по обязанности.

Что же, это, я? Выходит, и Гришку непутевого люблю? А чего бы и нет? Вместе с ним, все-таки, столько лет пройдено, было в них и что-то хорошее, светлое. Недаром ученые признали: жертва террориста, как правило, тянется к своему мучителю (крестится на образа). Да, но, может быть, и он не мучитель, и я совсем не жертва! Тогда, кто мы друг для друга?.. Сколько лет он меня оберегал, нарушая закон... Святая дева Мария, вразуми!..

Раздается звонок мобильного телефона. МАРИЯ выхватывает из кармана кофточки телефон.

МАРИЯ (радостно). Гриша!.. Да, да! Я только что думала о тебе...

Входят ПЕТР и ХАРИТОН.

ПЕТР (МАРИИ). Ты с кем это по телефону разговариваешь?

МАРИЯ. Да, так... Подруга звонила. Сбой связи.

ПЕТР. А-а... Я брата на берегу Мальвы нашел. Сидит Харитон на камне и кораблик из щепок в реку пускает. Я спрашиваю: «Чего ты тут делаешь?» А он на полном серьезе: «Если кораблик водоворот пройдет, жить буду». Философ задрипанный.

МАРИЯ. Ну, и как?

ПЕТР. Что, как?

МАРИЯ. Кораблик прошел водоворот?

ХАРИТОН. Нет.

ПЕТР. Это, как на ромашке гадать: любит, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет. Глупости.

МАРИЯ. Ты, Петя, рационалист. У тебя все в жизни разложено по полочкам. Единственный твой порыв был много лет назад. Да и тот липовым в итоге оказался.

ПЕТР. Ого, как заговорила женушка! А может быть, ты о Гришке скучаешь?

ХАРИТОН. Не трожь ее. У Маши сегодня трудный день выдался.

ПЕТР. Как же, пережила объяснение на коленях! И это на глазах законного мужа!

ХАРИТОН. Петя, выйди, остынь, иначе все окончательно испортишь. Знаешь, и мне Гришка совсем другим боком обернулся. Есть в нем что-то наше, созвучное... Не пришлый он из далекой Сибири, а наш, исконно деревенский, хотя и мент, точнее, полицай.

ПЕТР (кричит). Вы, что, сговорились? Я, выходит, пришлый... да, я люблю ясность во всем, что же делать, таковым родился... (ХАРИТОНУ). Дай ножик! Погадаю и я: куда повернет мой жизненный корабль (берет у ХАРИТОНА складной нож, выходит).

ХАРИТОН. Не осуждай его. Пете тоже нынче нелегко. На него столько за эти дни свалилось...

МАРИЯ. С чего ты, Харитон, решил, что я осуждаю?

ХАРИТОН. Так... бьюсь об заклад, это тебе Гришка звонил.

МАРИЯ. С чего ты это решил?

ХАРИТОН. У тебя такие глаза были.

МАРИЯ. Какие?

ХАРИТОН. Растерянные.

МАРИЯ. Трудно мне... (отворачивается от ХАРИТОНА) У каждого человека есть свой челн и свой водоворот, и его надо непременно пройти.

ХАРИТОН. Успокойся, Маша. Ты молода, и тебе еще жить и жить. Всем вам...

МАРИЯ (подходит к ХАРИТОНУ, обнимает его). Спасибо.

ХАРИТОН. Пойду к брату. Его тоже надо как-то успокоить.

ХАРИТОН выходит. Опять звонит мобильный телефон. МАРИЯ достает его.

МАРИЯ. Гриша, не звони мне больше... да, да!.. Никогда! (прячет телефон, ходит по комнате) Все, выключила мобильник, иначе мой бывший житья не даст! А почему, бывший? Были же и у нас любовь. Была! А может и есть? (вытаскивает из вазы ромашку, обрывает лепестки) Любит, не любит, тьфу! (швыряет остаток ромашки на стол). И ребеночек будет от Гриши, а не от Пети. И я вру обоим без всякого стеснения. Господи, как жизнь перекрутилась!..

Входит ПЕТР.

МАРИЯ. Ты, остыл?

ПЕТР. Ну... в общем-то...

МАРИЯ. А как твой кораблик?

ПЕТР. Выплыл. Видимо, я в свое время уже полностью выпил горечь жизни. А ты, как?

МАРИЯ. Ничего. Немного нервное получилось сегодня утро. А куда твой брат запропастился? Обед скоро.

ПЕТР. Пошел прогуляться вдоль реки. Жаль его, а что мы можем сделать? Все в руке Божьей.

МАРИЯ. Главное, Харитон внутренне изменился.

МАРИЯ и ПЕТР молчат.

МАРИЯ (хлопчет у печи). И, все-таки, видели юродивые Спасителя, или нет?

ПЕТР. Вполне возможно. Они в один голос сказали, что именно ОН тогда пообещал нашему сыну: «Ты обретешь настоящую семью». «Блаженны чистые сердцем...» (указывает рукой на образа). Погляди, Мария, ты очень похожа на Нее. Вернее, скоро станешь похожей (подходит, обнимает МАРИЮ). Ты – моя Мадонна...

ГОЛОС МАКАРИХИ. Петя! Ты дома?

ПЕТР. А, бабка Макариха! Заходи!

Входит МАКАРИХА.

МАКАРИХА. Тут, Петя, стало быть, сурьезные дела заварились.

МАРИЯ. Проходи, бабушка, садись. Рассказывай, что стряслось.

МАКАРИХА. Тебе, Петя, Гришка-мент бамажку просил передать. Увидел меня на улице, остановил свою тарактелку, ну и нацарапал карандашом (подает Петру записку, садится).

ПЕТР (читает вслух). «Ты победил, но покоя вам не будет» (крутит в воздухе запиской). Ничего не пойму.

МАКАРИХА. Я тоже. Смотрю, а Гришка смурной, такой, с головой непокрытой. Я ищщо спросила его: «А где, Гришенька твоя фуражка?» Ентот зыркнул на меня глазищами и в ответ: «Всё! Нет больше над ними моей земной власти! Но есть еще суд совести»

МАРИЯ. Как это понимать? Как бы, не случилось чего-либо плохого...

МАКАРИХА. Ага! При фуражке, мы – букашки!..

ПЕТР (задумчиво). Да... меня, Мария, тоже его слова смущают: «...но покоя вам не будет».

МАРИЯ. И про «суд совести». Мне страшно, Петенька.

Вбегают ХАРИТОН.

ХАРИТОН. Гришка разбился!

ВСЕ (дружно). Как!

ХАРИТОН. А, вот, так! Я, в аккурат, вышел на излучину Мальвы. Ну, и вижу, он на своем мотоцикле несется, прямо на Чертов обрыв. Я еще крикнуть успел: «Эй, тормози!»

МАРИЯ (нетерпеливо). Ну, и...

ХАРИТОН. Прямо на скорости, укатил за Коровью скалу, а потом, как бахнет с Чертового обрыва и прямо на камни! Я подошел, глянул вниз – у Гришки голова раздроблена. А заднее колесо мотоцикла еще продолжает крутиться.

МАРИЯ. О, Боже!

МАКАРИХА. Разбился! А такой видный муцщина был! Чертов обрыв шутковать не любит. Костей не соберешь!

ПЕТР. И ты, Харитон, убедился, что бедолага погиб...

ХАРИТОН. Не, я и спускаться не стал. Сразу же позвонил в райотдел по мобилке, что ты мне подарил, пусть менты разбираются. Я, вроде и свидетель, но сторонний. И, скажу вам, лежит Гришка в оторванной коляске, как в натуральном корабле.

ПЕТР. В каком еще, корабле?

ХАРИТОН. Ну, в этом, дураков. Он руки врозь раскинул, точно плыть собрался.

МАКАРИХА. Вестимо. На тот свет.

МАРИЯ. Это я во всем причина!

ПЕТР. В чем?

МАРИЯ. Во всем. Я не остановила его, не дала надежду (плачет).

ПЕТР (обнимает ее). Успокойся, ты ни в чем не виновата.

Слышится вой милицейской сирены, затем звук клаксона.

ХАРИТОН. Да, вот и они, соколики-полицаи, по мою душу. Пойду, покажу им, куда дальше ехать.

ХАРИТОН выходит.

МАРИЯ (хватается за живот, громко). Ох!.. Ох!..

ПЕТР. Маша, что с тобой?

МАКАРИХА. Это по-бабьи у нее (МАРИИ). Ты, голубушка, приляжь (помогает МАРИИ лечь, задерживает занавеску, сама находится рядом с МАРИЕЙ).

ПЕТР (ходит по комнате). Надо же, Гришка разбился, и с Машенькой плохо (кричит). Бабка, как там дела?

МАКАРИХА (выходит из-за занавески). Притомилась она, но радуйся, ребеночка не скинула.

ПЕТР. Уф-ф-ф...

Вбегает ХАРИТОН.

ХАРИТОН (кричит). А Гришка-то жив!..

ПЕТР. Как, так?

МАРИЯ (выходит из-за занавески). Жив! А я-то переживала...

ПЕТР. Переживала?

МАРИЯ. А, как же? Я столько лет с ним прожила (Харитону, с тревогой). Говори! Что с ним?

МАКАРИХА. Вот это дела!

ХАРИТОН. Да, вот... короче, спектакль вышел.

МАРИЯ. Спектакль? Как это понять?

Входит ГРИГОРИЙ.

ГРИГОРИЙ (он без формы). Общий привет!

МАКАРИХА (бормочет). Привет от старых щиблет... Глянь-кось, воскрес, как Иисус!

МАРИЯ. Гришенька!.. (бросается к Григорию, но останавливается) Ты!.. Жив!..

ГРИГОРИЙ. Как, видишь.

ПЕТР (насмешливо). А теперь, Гришка, рассказывай про спектакль.

ГРИГОРИЙ. Я в райцентре в секс-шопе куклу купил, ну, и передел в свою форму. А сам спустился вниз и за камнем сидел, реакцию Харитона наблюдал. А потом вижу, побежал он домой...

МАКАРИХА (качая головой, изумленно). Надо же – в секс... жопе... Видать, она, здоровая у кого-то, небось, бабья.

МАРИЯ. Зачем ты все это сделал?

ГРИГОРИЙ. Решил узнать, будешь ли ты переживать за меня. Казенный мотоцикл, правда, угробил, да и из политуры меня уже мои соратнички пообещали турнуть. А работа найдется. Меня местные фермеры приглашают обрабатывать с дельтаплана гербицидами их поля. Но это ничего, главное – я сделал внутренний выбор.

МАРИЯ. И...

ГРИГОРИЙ. Выяснил! Только любовь важна на этом свете.

ПЕТР. Ври, да не завирайся! Маша меня любит, вот и замуж вышла.

МАКАРИХА. О то дела!

ПЕТР. Бабка!..

МАКАРИХА. Намек поняла, ухожу.

МАКАРИХА, однако, не уходит, а прячется за печь.

ХАРИТОН. Я, пожалуй, тоже уйду. Выясните сами свои отношения (бормочет).
Расклад, точь-в-точь, как когда-то у меня...

ПЕТР (комментируя слова брата). Да... эффект дежавю...

ХАРИТОН выходит.

МАРИЯ (Григорию). И ты решил разыграть нас всех. Из-за тебя я запросто могла лишиться ребенка.

ГРИГОРИЙ. Нашего ребенка! Но, не лишилась!

ПЕТР. Не понял (Марии). Чей это ребенок?

МАРИЯ (указывает рукой на Григория). Да! Его...

ГРИГОРИЙ (делает шаг навстречу к Марии). Люблю тебя!

ПЕТР. Ты!.. Иди отсюда, Иуда!

ГРИГОРИЙ (машет головой). Не Иуда... Я тогда, более шестнадцати лет назад, не сдал тебя, как ты преподал в своей паскудной весточке из тюрьмы. И ты, Петька, про то знаешь.

МАРИЯ. Как это?

ГРИГОРИЙ. Да, я сгоряча написал про побои, но они-то – были! Потом я в письме на имя прокурора попытался защитить тебя, мол, сам был первопричиной драки. А суд был показательным, мое письмо сочли запоздалой попыткой обелить бывшего друга. И на том, злополучном судебном заседании, я сказал, что зла на Петра не держу, считаю произошедшее нелепым стечением обстоятельств.

МАРИЯ. Я не слышала об этом.

ГРИГОРИЙ. Ты лежала в горячке и на суд не поехала.

МАРИЯ (Петру). Это, правда?

ПЕТР. Насчет чего?

МАРИЯ. Насчет письма.

ПЕТР (глухо). Ну, было. Однако было и другое: я свое отсидел, а этот... куражился тут над тобой, над простым народом.

ГРИГОРИЙ. Я – представитель закона и никогда не шел на сделку с совестью. Да, я давил, так называемый «народ». В каждой деревне имеются такие «артисты», живущие сдачей металлолома, мелким воровством, драками в пьяном угаре. И все они, обиженные, власть и порядок не любят. Разбалованы они всей этой, столько лет непрекращающейся, неразберихой.

ПЕТР. Понятно... давай выясним главное: с кем ты, Мария, будешь жить?

МАРИЯ. Не знаю. Мне в последнее время стало казаться, что я для тебя лишь приложение к твоим грандиозным планам. Так сказать, тыл, надежный фундамент. А, вот, Гриша раскрылся совсем с другой стороны.

ПЕТР. Это, с какой?

МАРИЯ. Мы с ним часто ночами звезды в телескоп рассматривали и мечтали...

ГРИГОРИЙ. Помнишь, да?

МАРИЯ. Этого не забыть. А с тобой, Петя, у нас было лишь прошлое.

ПЕТР (запальчиво). Тогда зачем, Мария, ты замуж за меня вышла? По старой памяти?

МАРИЯ. Не знаю, может быть, это была моя ошибка, прошлое, понятно, никогда не вернуть в том самом виде, в котором оно проистекало.

Входят ХАРИТОН и юродивые. Это – ИВАН-ДУРАК, МАРФА-ДУРОЧКА и МАТВЕЙ.

ХАРИТОН (указывает рукой на юродивых). Вот вам еще сюрприз.

Юродивые кланяются, крестятся на образа.

ИВАН-ДУРАК. Мир дому сему!

МАРФА-ДУРОЧКА. Мир!..

МАТВЕЙ. Мама! Папа!

МАРИЯ. Сыночек (бросается к Матвею, обнимает его)!

ПЕТР (тоже обнимает сына, Марии). Вот тебе и разрешение вопроса. Нас трое – семья!

ГРИГОРИЙ. Не все так просто, Петя. Именно я тогда участвовал в спасении этого мальчика.

МАРИЯ. Ты?

ГРИГОРИЙ. Да. Я показал божьим людям, где он лежит.

МАРФА-ДУРОЧКА. Это правда.

ИВАН-ДУРАК (крестится). Вот те истинный крест.

ХАРИТОН (крутит головой). Ну, ты, Гриша, и даешь стране угля, хоть мелкого, но... много. А я-то про тебя всегда только плохое думал...

Слышен грохот. Это падает прислоненное к печи корыто. ХАРИТОН заглядывает за печь и вытаскивает оттуда за руку МАКАРИХУ.

ХАРИТОН. Ты, что там, бабка, делаешь?

МАКАРИХА. Да, вот, залезла спектаклю досмотреть.

ПЕТР. Досмотрела... теперь уже не уходи, осталось прилюдно выяснить последнее: кому достанется самый ценный приз.

ГРИГОРИЙ. Да, Маша, решение за тобой.

МАРИЯ. Я, Гриша, уйду к тебе. Ты более люб мне. И Матюшу я с собой заберу (Матвею). Ты, сын, согласен на это?

МАТВЕЙ. Согласен, мама. Можно, я и батюшку навещать буду?

МАРИЯ. Конечно.

ПЕТР. Вот и окончен последний акт пьесы...

ГРИГОРИЙ, МАРИЯ, МАТВЕЙ и МАКАРИХА уходят.

ХАРИТОН (юродивым). Садитесь, братия. Я сейчас вам пообедать соображу.

ИВАН-ДУРАК. Да, мы перекусим и пойдем восвосяси.

Юродивые рассаживаются на табуретки, ХАРИТОН уходит.

МАРФА-ДУРОЧКА (Петру). Не переживай, таков божий промысел. Как сказано в Евангелии от Луки...

ПЕТР. Там ничего не сказано о моем личном страдании (подходит к корыту, ударяет его ногой)! Черт!.. Дьявол!..

ИВАН-ДУРАК. Не поминайте всуе лукавого.

ПЕТР выволакивает корыто посредине комнаты, вытаскивает из-за печи лопату и вилы, усаживается в корыто.

ПЕТР (гребет «веслами», поет).
Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет...

ПЕТР (отбрасывает «весла», вылезает из корыта). Вот я и остался при собственном интересе. У разбитого, так сказать, корыта. Видимо, права Маша, мне нужна была она, действительно, с чисто прозаической целью. Да, надо это признать самому себе... А ей, видите ли, нужен порыв, всплеск чувств! И Гриня-то, каков оказался, я такого и не ожидал...

ИВАН-ДУРАК. Писание говорит: «Каждому воздастся по делам». Но ты – Петр – Камень... держись!

ПЕТР. Камень? Вот, разве, не плачу...

МАРФА-ДУРОЧКА. Как сказано в Евангелии от Матфея: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся».

ПЕТР. Утешатся? (сдавленно хрипит). Врете вы, странички! Нет Бога!.. Почему мне выпадают одни только страдания?

ИВАН-ДУРАК. «Иисус же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое».

МАРФА-ДУРОЧКА (добавляет). Послание Святого Апостола Павла Римлянам...

ПЕТР. Умники нашлись... одно слово – дураки...

ИВАН-ДУРАК. Мы видим, не со зла ты говоришь это.

МАРФА-ДУРОЧКА. Ты, Петр, внутри хороший человек

ПЕТР. Хороший? Да я бы сейчас Гришку!..

ИВАН-ДУРАК. Прости его.

МАРФА-ДУРОЧКА. Ага. Ради Марии.

ПЕТР. Не знаю, удастся ли мне это...

Входит ХАРИТОН. Он вкатывает в комнату детскую коляску, на которой установлены тарелки.

ХАРИТОН. Кушать подано!

З А Н А В Е С